

Жизнь Илимова.

Будничная драма въ 5 картинахъ.

В. С. Лихачова.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Илимовъ Семень Петровичъ—попомщикъ бухгалтера въ управленіи. (Лѣтъ двадцати семи-восьми. Нервная, болѣзненно-впечатлительная натура).

Багрецовъ Яковъ Савельичъ—шелъ по медицинѣ, по курсу не окончилъ. (Ровесникъ Илимова. Внѣшность имѣетъ врачную и даже нѣсколько дякую, не лишнюю впрочемъ—съ женской точки зрѣнія—извѣстной привлекательности).

Аболтинъ Кузьма Ефимычъ—сослуживецъ Илимова, изъ мелкихъ. (Грязноватъ и грубоватъ).

Платонида Мариовна—мать Аболтина, содержательница буфета. (Завоснѣлая пѣщанка благороднаго происхожденія).

Людмила—сестра Аболтина, дѣвушка. (Лѣтъ двадцати. Особа вѣтреная, но себѣ-на-угѣ. Обращенія развязнаго, одобреннаго вульгарной кокетливостью).

Шлениъ Федоръ Федорычъ—изъ начинающихъ по службѣ. (Очевъ еще молодой человекъ, съ розовыиъ личикомъ и холениими ушками. Къ служебной дѣятельности относится младенчески-строго, видимо тѣшась и рисуясь ею).

Лебедевъ

Пузыревскій

Воеводинъ

Харченко

Манюкинъ

Бутиновъ

Курьеръ.

Сторожъ.

Первый и второй писцы.

служашіе. (Первые четверо—люди болѣе или менѣе пожилые и степенные; послѣдніе двое—безукоризненно-изящные и уже въ достаточной степени изможденные юноши).

Дѣйствіе происходитъ въ буфетѣ при управленіи.

Небольшая темноватая комната. Направо окно, въ глубинѣ дверь. Посрединѣ длинный столъ, покрытый довольно уже ветхою и не особенно свѣжею скатертью; на столѣ корзинки съ бѣлымъ и чернымъ хлѣбомъ, тарелки съ бутербродами, двѣ солонки, горчишница, перчишница, маленькія тарелки для пѣды, ножи, вилки, чайныя ложки, одна—тоже не первой свѣжести—салфетка, двѣ пепельницы, коробка спичекъ, записная книжка съ карандашомъ; вокругъ стола стулья одинаковаго образца—съ кожаными, просижеными и продырявленными, сидѣньями. Намѣсто, по стѣнѣ, рядъ навѣшанныхъ на гвоздики театральныхъ афишъ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ.

(Всѣ сидятъ за столомъ: одни пьютъ, другіе — уже попили — ждутъ чаю и кофею. Вновь приходящіе здороваются со всѣми или съ нѣкоторыми; уходящіе дѣлаютъ записку въ книгу. Общій говоръ).

Воеводинъ *(иромко и брюзливо)*. Что-жъ яйца, скоро?

(Голосъ Платониды Марковны за дверью: «Сейчасъ! сейчасъ!»)

Пузыревскій *(Лебедеву)*. Отличился паренекъ!

Лебедевъ. Да какъ же! У меня трефъ нѣтъ — дѣло ясное. Куда-жъ онъ лѣзетъ?

Пузыревскій. Хотя, съ другой стороны... чортъ его знаетъ!... Сколько у него бубенъ-то было?

Лебедевъ. Семь, король-дама.

Пузыревскій. Могъ назначить.

Лебедевъ. Ну, вотъ еще!

Пузыревскій. Могъ назначить.

Лебедевъ. Да не могъ. Никакъ не могъ. Поймите одно... *(Входитъ Платонида Марковна; въ рукахъ двѣ тарелки съ яйцами)*.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ, Платонида Марковна.

Плат. Марк. *(ставитъ тарелки на столъ)*. Вотъ вамъ и яйца. Эти въ смятку, а эти въ шпочекъ.

Воеводинъ. Нельзя-ли салфетку?

Плат. Марк. Салфетка подана. Вѣтъ.

Воеводинъ. Какая-жъ это салфетка? Это тряпка.

Плат. Марк. Не напасешься. Извините ужъ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ.

Манюкинъ *(разматривая платье Бутикова)*. Это недурно... и недорого... Я бы своего давно переиѣнилъ, да жалко: такъ шьеть брюки, какъ никто. Восхитительно шьеть.

Бутиковъ. Я брюками тоже доволенъ. Взгляните.

Манюкинъ. Да... но все нѣ то. У моего какъ литыя. А я нахожу, что брюки въ костюмъ важнѣ всего. Разъ они плохи — весь костюмъ никуда не годится. Не правда-ли?

Бутиковъ. О, конечно. *(Людмила приноситъ стаканы съ чаемъ и кофеемъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ, Людмила.

Пузыревскій. А-а-а... Барышнѣ наше почтеніе.

Лебедевъ. Доброе утро, Людмила Ефимовна.

Людмила. Здравствуйте! здравствуйте!

Манюкинъ *(выбирая стаканъ)*. Мнѣ, пожалуйста, вотъ этотъ, послабѣе.

Людмила. Чтобъ сердце не билось? *(Воеводину)*. Вамъ чаю или кофею?

Воеводинъ. Я всегда кофею пью.

Людмила. Обо всѣхъ не упоминай.

Пузыревскій. Вы, барышня, съ каждымъ днемъ хорошеете. Не стыдно это вамъ?

Людмила. Ничуть не стыдно! *(Смѣется. Входитъ Шленкъ, съ папкой подъ мышкой)*.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ, Людмила, Шленкъ.

Шленкъ. Позвольте мнѣ чаю... *(осматривая корзинку съ хлебкомъ)* и калачъ.

Людмила. Поручаянѣе?

Шленкъ. Да, пожалуйста. *(Развертываетъ папку и углубляется въ бумагу)*.

Пузыревскій *(Людмилѣ)*. Вродѣ васъ?

Людмила *(довольная)*. Ну, ужъ! *(Со смѣхомъ бѣжитъ къ двери и натывается на входящую Харченко)*. Ахъ, извините! *(Убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ, Шленкъ, Харченко.

(Пузыревскій, взглянувъ на Лебедева, ириво подмигиваетъ вслѣдъ Людмилѣ).

Лебедевъ. Нда-а-а.

Бутиковъ. Препикантная дѣвочка.

Харченко *(съ озабоченнымъ видомъ подсаживается къ Воеводину)*. А я васъ побезпокою. Кажется, вамъ передано дѣльце о ревизіи восемьдесятъ третьяго года?

Воеводинъ. Мнѣ.

Харченко. Очень хорошо-сь. Такъ мнѣ-бы вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія... *(Продолжаютъ разговаривать. Людмила приноситъ Шленку стаканъ чаю съ калачомъ и, повертѣвшись, уходитъ. Шленкъ прихлебываетъ чай, не отрываясь отъ бумагъ)*.

Пузыревскій *(Лебедеву)*. Что вы не пришли вчера на собраніе?

Лебедевъ. На какое собраніе?

Пузыревскій. По кассѣ.

Лебедевъ. Ну его! Есть мнѣ когда...

Пузыревскій. Любопытно было. Помощникъ вашъ отличился.

Лебедевъ. Илимовъ?

Пузыревскій. Да. Проекты все, проекты! реформы!

Лебедевъ. Въ чемъ-же дѣло?

Пузыревскій. Тамъ на счетъ счетоводства да отвѣтственности поручителей—ухищренія разныя. Это провалили. А одна штука прошла. И серьезная штука. (*Отъѣхавъ на вопросительный взглядъ Лебедева*). Проценты по суду сбили.

Лебедевъ (*съ безпокойствомъ*). Это какъ?

Пузыревскій. Такъ. Докладъ представилъ Илюмовъ, что вотъ-де дѣль нашей кассы помогать неинициативнѣ, а выходить, будто она существуетъ для инициативнѣ, которые инѣютъ вклады и проценты на нихъ хороше получаютъ,—вродѣ ростовщиковъ насъ представилъ. Слѣдуетъ-де ограничить вклады извѣстной суммой и уменьшить проценты по суду.

Лебедевъ. Такъ неужто-же это прошло?

Пузыревскій. На половину. Вклады-то не ограничили—потому, того и гляди, безъ денегъ останутся,—а проценты уменьшили, до шести.

Лебедевъ. Какъ-же такъ допустили?

Пузыревскій. Очень просто. Большинство-то вѣдь голъ—въ кассѣ у нихъ гроши, а долговъ за нихъ сотни. Ну, большинствомъ сорока съ чѣмъ-то голосовъ противъ семнадцати и постановили.

Лебедевъ. Ужъ это... я не знаю... Послѣ этого хоть изъ кассы уходи. Какой инѣ расчетъ изъ-за шести процентовъ деньги тутъ держать? Я и на бумагахъ столько-же получу.

Пузыревскій. Лука Лукничъ ужъ вышелъ (*киваетъ головой на Воеводина*).

Лебедевъ. Да еще-бы!

Харченко (*Воеводину*). Вотъ мы инѣ такое отношеньице и заготовимъ: шалите, молъ, не на тѣхъ напали. Пусть-ка отписываются!... Такъ я дѣльце возьму?

Воеводинъ. Возьмите. Скажите, что я приказалъ. (*Харченко уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ, Шленкъ.

Лебедевъ. Лука Лукничъ! Каково это—вчера-то, на собраніи?

Воеводинъ (*злобно*). Да, ужъ, господинъ Илюмовъ показалъ себя. Ему-то съ другими терять нечего. А кто сберегъ кое-что про черный день...

Пузыревскій (*смѣясь*). Кое-что! Знаеиъ мы ваше кое-что. Главные-то капиталы въ оборотѣ.

Воеводинъ. Какіе капиталы? Почему вы мои капиталы знаете?

Пузыревскій. Кто-же ихъ не знаетъ!

Воеводинъ. Въ чужомъ карманѣ считать трудно-сть. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Манюкинъ, Бутиковъ, Шленкъ.

Лебедевъ. Разсердили старика.

Пузыревскій. Не любить! (*Манюкину и Бутикову*). Вотъ, молодые люди, инѣйте въ виду: коли понадобятся деньженки—къ нему прямо. Всего три процента въ мѣсяць беретъ.

Манюкинъ. Будемъ инѣть въ виду. (*Входитъ курьеръ*).

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Манюкинъ, Бутиковъ, Шленкъ, курьеръ.

Курьеръ (*почтительно наклонившись къ Шленку*). Господинъ управляющій васъ просить. (*Шленкъ отловито хмурится и, не допивъ чая, уходитъ съ сопровожденіи курьера*).

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Манюкинъ, Бутиковъ.

Пузыревскій (*Лебедеву, съ насмѣшкой*). И чайку-то, бѣдняжкѣ, попить не дадутъ. Труженникъ!

Лебедевъ. Карьеру дѣлаетъ.

Пузыревскій. Да и сдѣлаетъ. Того и гляди, очутимся мы съ вами у него подѣ началомъ.

Лебедевъ. Очень просто.

Бутиковъ (*Манюкину*). Хорошо идетъ Шленкъ. Манюкинъ. Да вѣдь онъ и въ училищѣ хорошо шель. Первымъ кончалъ.

Бутиковъ. Какъ онъ съ вами? любезенъ?

Манюкинъ. Да, очень милъ. Онъ человекъ воспитанный. Педантъ неиножко... Это, впрочемъ, на службѣ необходимо. (*Встаютъ, обзрываютъ афиши и вскорѣ уходятъ. Тѣмъ временемъ входитъ Платонида Марковна*).

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Платонида Марковна.

Лебедевъ. Какъ дѣла, Платонида Марковна?

Плат. Марк. Что ужъ наши дѣла! Жаловаться—Бога гнѣвить... а и хвататься тоже нечѣмъ. (*Присаживается*). Нѣтъ-ли, господа, у кого папирочки?

Пузыревскій. Какъ не быть! (*Подаетъ ей портсигаръ*). Собственной фабрикаціи.

Плат. Марк. Оно и лучше. Не люблю я покупныхъ. Ни вкусу, ни запаху—а горло дерутъ. (*Закуриваетъ. Въ дверь выглядываетъ Аболтинъ*).

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Платонида Марковна, Аболтинъ.

Аболтинъ. Мамаша, пожалуйста-ка сюда!

Плат. Марк. Ну, что еще? Посидѣть не дадутъ.

Аболтинъ. Пожалуйте! дѣло есть. (*Когда Платонида Марковна подошла, епомолоса.*) Вы съ Гаврилова получили?

Плат. Марк. Получила. Удрать - было хотѣлъ, да я подстерегла.

Аболтинъ. Такъ больше ему на книгу не давайте. Его на днѣхъ—тю-тю!

Плат. Марк. Что ты?!

Аболтинъ. Ужъ это вѣрно.

Плат. Марк. За что-жъ это его?

Аболтинъ. За отлично-усердную службу. По трудамъ и заслугамъ. Смотрите-жъ! (*Исчезаетъ. Платонида Марковна снова садится къ столу.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Платонида Марковна.

Пузыревскій. Фамильные секреты?

Плат. Марк. Да. (*Шомолчавъ, Лебедеву.*)

А что, Алексѣй Николаевичъ... хочу я у васъ спросить... Помощникомъ своимъ вы довольны?

Лебедевъ. Которымъ? У меня ихъ два.

Плат. Марк. Илимовымъ.

Лебедевъ. Какъ вамъ сказать... Да что онъ васъ интересуеть? вы не въ родствѣ съ нимъ?

Плат. Марк. Нѣтъ, какое родство! Такъ, знакомы—бываетъ у насъ. Не любить его здѣсь, кажись... Такъ мнѣ и хотѣлось узнать — что такое? Служака-ли плохой, либо другое что...

Лебедевъ (*уклончиво*). За что его не любить?... Есть немножко, правда. Фантазеръ.

Плат. Марк. Фан-та-зеръ? Стало бытъ что-жъ? о себѣ, что-ль, много думаетъ?

Лебедевъ. Не то, что о себѣ, а такъ... фантазія много.

Плат. Марк. Это, пожалуй, что. Хоть бы вотъ вчера, на собраніи на этомъ,—какъ вѣдъ намутилъ-то!

Пузыревскій. Намутилъ! Что и говорить.

Плат. Марк. И къ чему, спрашивается? Враговъ только себѣ наживать.

Пузыревскій. Не однихъ враговъ. Мелкота вся теперь на его сторонѣ—обожаютъ.

Плат. Марк. Ну, честь-то не велика. Да и корысти мало. Мелкота обожаетъ, а кто носолдѣе—тѣ недовольны. Что хорошаго?

Лебедевъ (*съ усмѣшкой*). На всѣхъ не угодишь.

Плат. Марк. О томъ-то и надо подумать—кому угождать. Служишь, такъ угождай тѣмъ, кто постарше, кто тебя въ люди вывести можетъ. Тѣмъ и угождай.

Лебедевъ. Было, да прошло, Платонида Марковна. Другія времена настали.

Плат. Марк. Да, ужъ времена! на что хуже! (*Входитъ писецъ, осторожно выбираетъ булку и уходитъ*). Вы мнѣ только вотъ что скажите, Алексѣй Николаевичъ: хорошо-

ли онъ служить, Илимовъ - то? Вѣдь вы его прямой начальникъ—онъ у васъ на глазахъ.

Лебедевъ. Ничего себѣ служить. Малый способный и не лѣнивъ. Фантазія вотъ—одно.

Плат. Марк. Да въ чемъ фантазія - то? Не пойму я.

Лебедевъ. А въ томъ фантазіи, что по-своему все хочеть. Не такъ, какъ изстари заведено, а какъ ему лучше кажется.

Плат. Марк. Скажите на-милость! Чѣмъ бы учиться, примѣръ брать... Вѣдь вотъ!

Лебедевъ. Дашь ему бумажку написать и образецъ укажешь—собственныя имена только да цифры другія вставить, — и бумажку - то вздорную—вродѣ того, что на полторы копѣйки балансъ не сходится: нѣтъ, нещербиво по-своему напишетъ,—такъ, говорить, и короче и яснѣе. Да не хочу я ни краткости твоей, ни ясности! У меня входящая бумага—и я ее разрѣшить долженъ, по закону и въ срокъ. А коли я стану за краткостью да за ясностью гоняться—такъ что бумага-то накопится!

Плат. Марк. Вѣрно, вѣрно, Алексѣй Николаичъ. Ужъ такъ вѣрно!

Пузыревскій. Реформы! (*Входитъ Илимовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Платонида Марковна, Илимовъ.

Пузыревскій. Вотъ онъ, революціонеръ нашъ!

Лебедевъ. Вы что-жъ это, батенька? За что на насъ ополчились?

Илимовъ (*благодучно*). Я не на васъ ополчился, а на ваши капиталы. (*Сидитъ къ столу*).

Лебедевъ. Все одно.

Илимовъ. Не согласенъ.

Лебедевъ. Вотъ какъ всѣ мы, крупные участники, выйдемъ изъ кассы—тогда и согласитесь. Тогда и наплачетесь.

Илимовъ. Зачѣмъ же намъ плакаться? Напротивъ. Тогда только и пойдеть все, какъ слѣдуетъ. Касса достояніе общее, а-не нѣсколькихъ лицъ.

Пузыревскій. Это въ нашъ огорождъ.

Илимовъ. Да, въ вашъ. Воеводнягъ ужъ вышелъ—и скатертью дорога.

Пузыревскій. Рѣшительно!., Платонида Марковна, каквово?

Плат. Марк. Что ужъ! И не понять даже. Мудрятъ, мудрятъ...

Пузыревскій. Да и перемудрятъ. (*Смѣется.*)

Плат. Марк. Ужъ, конечно... (*Входитъ курьеръ.*)

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Платонида Марковна, Илимовъ, курьеръ.

Курьеръ. Платонида Марковна, чаю управляющему.

Плат. Марк. Вотъ вамъ. Насидѣлась. (*Уходитъ съ курьеромъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Илимовъ.

Лебедевъ (*Пузыревскому*). Что-жъ, потянемъ и мы? (*Встаетъ.*)

Пузыревскій (*тоже*). Потянемъ. Служнуть надо. Къ управляющему насъ не позовутъ...

Лебедевъ. Гдѣ ужъ намъ! Охъ-охъ-охъ... (*Уходитъ. Черезъ нѣсколько времени входитъ Людмила со стаканомъ чая.*)

ЯВЛЕНИЕ 17-е.

Илимовъ, Людмила.

(*Людмила, не глядя на Илимова, ставитъ передъ нимъ стаканъ и начинаетъ убирать на столъ; онъ не сводитъ съ нея глазъ, но она какъ будто не замѣчаетъ этого. Весь послѣдующій разговоръ ведется вполголоса, причемъ Людмила безпрестанно поворачиваетъ голову къ двери.*)

Илимовъ. Что-жъ это, и взглянуть на меня не хочешь? (*Людмила, сдерживая улыбку, хмурится и продолжаетъ свое дѣло. Люсенька!.. (Молчаніе). Милюся!.. (У Людмилы вырывается нетерпливое движеніе.)* Да что съ тобою, цыпка моя? (*Встаетъ и направляется къ ней.*)

Людмила (*испуанно плетится, озирается и машетъ руками*). Сс... сс... сс...

Илимовъ (*пораженный*). Что такое? Что такое?

Людмила (*таинственно*). А то, что мнѣ вчера досталось... вотъ что!

Илимовъ. За что досталось? отъ кого?

Людмила. За васъ, отъ матери. Ужъ такъ ругала, такъ ругала... Не подвернись братъ—прибила-бы.

Илимовъ. Ну, ужъ... прибила-бы!

Людмила. А то нѣтъ? Сдѣлайте одолженіе—въ лучшемъ видѣ. Рассказывала вѣдь я, кажется...

Илимовъ (*брезливо*). Замолчи, пожалуйста, слышать я этого не могу... За что-жъ она ругала? Я все-таки не понимаю.

Людмила (*значительно*). Не пони-маете?!

Илимовъ (*смутившись*). Странно однако...

Людмила. Ничего нѣтъ страннаго! рѣшительно ничего! Напротивъ, очень даже обыкновенно. И чѣмъ дальше—тѣмъ хуже будетъ. Вчера не прибила—завтра прибьетъ, это ужъ будьте благонадежны. (*Илимовъ дѣлаетъ нѣсколько порывистыхъ движеній по комнатѣ. Людмила хочетъ идти.*)

Илимовъ. Постой.

Людмила. Ну-да, постой! Того гляди, войдетъ.

Илимовъ. Постой-же!... Ты стало-быть призналась ей?

Людмила. Ничего не призналась. Да развѣ и безъ того не видно?

Илимовъ (*смотритъ на нее въ упоръ, явно думая о чемъ-то inomъ.*) Да... съ этикъ надо покончить...

Людмила (*тревожно съ угрозою*). То-есть какъ это покончить?

Илимовъ (*не сразу выходя изъ раздумья*). А?... Какъ покончить?... Объявить ей наше намѣреніе...

Людмила (*съ облегченіемъ*). Давно пора.

Илимовъ. Да... пора... Такъ ты ей скажи.

Людмила. Ну-да! я-то съ какой стати? Мое это развѣ дѣло?

Илимовъ. Я думаю, что одинаково, Люся... и мое, и твое...

Людмила. Гдѣ одинаково, а гдѣ и разница. Огромная разница...

Илимовъ. Люся! Опять?

Людмила. Что еще?

Илимовъ. Огромная! Кто-жъ такъ говоритъ?

Людмила. Ахъ, оставь ужъ! Сурьезный разговоръ, а онъ съ пустяками... Я говорить ничего не стану—такъ и знайте.

Илимовъ. Не понимаю—почему. Ты къ ней ближе...

Людмила. Потому, что не желаю. Достаточно? Да и ни къ чему-бы это. Я, положимъ, скажу—а она все-таки спроситъ: онъ-то что-жъ? отчего не самъ? языка у него, что-ли, нѣтъ? или боятся?

Илимовъ. Ну, я тогда и скажу. Тогда нѣтъ легче будетъ.

Людмила (*обидчиво*). А теперь тяжело стало-быть? Очень пріятно слышать.

Илимовъ. Полно, не дуйся. (*Привлскается къ себѣ*). Придешь сегодня?

Людмила. И не подумаю.

Илимовъ (*цѣлуетъ ее*). Приди, цыпка!

Людмила. Пока не скажете матери—не дождетесь. И то ужъ дура была.

Илимовъ. Какъ тебѣ не стыдно!... Ну, хорошо, я скажу.

Людмила (*сразу повеселѣла*). Когда?

Илимовъ. Завтра.

Людмила. Все-таки завтра! Хоть одинъ денекъ оттянуть!

Илимовъ. Завтра воскресенье. Платонида Марковна утромъ будетъ дома. Вообще свободнѣе.

Людмила. Не обманешь? Честное слово?

Илимовъ (*съ усиліемъ*). Честное слово. А ты придешь?

Людмила. Приду. (*Наскоро обнимаетъ и цѣлуетъ его. Онъ хочетъ ее удержать, но она съ тихимъ смѣхомъ вырывается. Входитъ сторожъ. Людмила, украдкой погрозила Илимову, уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 18-е.

Илимовъ, сторожъ.

Сторожъ. Господишь васъ спрашиваетъ, ва-
не благородіе.

Илимовъ. Какой господишь?

Сторожъ. Не могу знать. Видѣть васъ жа-
гаютъ. (*Пропустивъ Илимова въ дверь, уло-
дитъ за нимъ. Черезъ минуту Илимовъ воз-
вращается съ Багрецовымъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 19-е.

Илимовъ, Багрецовъ.

Илимовъ. Иди, иди. Никого нѣтъ.

Багрецовъ (*недоверчиво*). Хорошо-ли... чу-
жому-то человѣку? Мѣсто служебное. Вонъ кто-
го чай не допилъ—допивать придется. Не хо-
рошо.

Илимовъ. Ничего тутъ нехорошаго нѣтъ.
Не привелъ-бы я тебя. Садись.

Багрецовъ. Погоди садиться-то. Поцѣлуемся
еще разъ. (*Цѣлуются*).

Илимовъ. Тебѣ чего—чаю или кофю?

Багрецовъ (*садится*). Водочки-бы. Уста-
галъ—подбодриться. Хорошо-бы водочки. Вонъ
и ветчинка. Отлично ветчинкой закусить. Не-
бось, нѣтъ у васъ?

Илимовъ. Водки нѣтъ. Чего захотѣлъ!

Багрецовъ. Вотъ видишь! Я и говорю—въ
грактирь-бы лучше. Музыку-бы послушали,
выпили. Подъ музыку пьется.

Илимовъ. Нельзя нѣтъ уйти никуда.

Багрецовъ. Ну, нельзя—такъ нельзя. А подъ
музыку-бы славно.

Илимовъ. Что-жъ, чаю тебѣ, или кофю?

Багрецовъ. Чайку, чайку. Не пью вѣдь я
кофю.

Илимовъ. Я и забылъ.

Багрецовъ. Не пью. Отродясь не пивалъ.

Илимовъ (*въ дверь*). Позвольте намъ чаю—
два стакана. (*Багрецову*). Съ молокомъ, или
съ лимономъ?

Багрецовъ. Съ молочкомъ, пожалуй. Съ мо-
лочкомъ хорошо—жажду утоляетъ.

Илимовъ (*въ дверь*). Съ молокомъ. (*При-
саживается*). Опять стало-быть въ Питерѣ?

Багрецовъ. Опять въ Питерѣ. Курить-то
можно у васъ?

Илимовъ. Можно, конечно. (*Придвигаетъ
къ нему стички и пепельницу*).

Багрецовъ. Кто васъ знаетъ! Мѣсто слу-
жебное, нельзя не спросить. А безъ курева я
не могу. Не могу. (*Достаетъ табакъ, сверты-
ваетъ толстую папиросу, вставляетъ ее
въ мундштукъ и закуриваетъ.*) Ты все не
куришь?

Илимовъ. Нѣтъ.

Багрецовъ. Напрасно не куришь. Оттого у
тебя и нервы. И нервы оттого. Куреніе успо-

каиваетъ. Я самъ нервный, по себѣ знаю.
Успокаиваетъ куреніе. Нервамъ-то не лучше
твоемъ?

Илимовъ. Какое лучше! хуже.

Багрецовъ. Не куришь—оттого. (*Возвра-
щаясь къ прерванному разговору.*) Опять въ
Питерѣ. Опять. Не минешь его, Питера. Гдѣ ни
путаешься—въ Питерѣ очутишься. Не минешь.

Илимовъ. Что-жъ ты думаешь дѣлать?

Багрецовъ. Ничего пока не думаю. Что нѣтъ
думать! Одинъ вѣдь—не пропаду. Одинъ. А
тебя вотъ какъ на службу угораздило? Любо-
пытно это. Какъ тебя угораздило?

Илимовъ. Угораздило, братъ. Ты мою обста-
новку знаешь—помощи мнѣ никакой. Двѣсти
рублей въ годъ маминной пенсіи—и все тутъ.
Думалъ уроками перебиться, пока диссертацию
напишу... нашелъ и уроки... да что! Уроки
хороши, когда ихъ много, когда на нихъ все
время уходитъ... а такъ, чтобъ и нашимъ и
вашимъ,—не стоятъ: гроши. Ну, вотъ и под-
вернулся родственникъ. Самое, говорить, луч-
шее—на службу: и существованіе обезпечено,
и досуга много. Взялся хлопотать—выхлопо-
талъ. На первое время дали немногого—но воль-
ному найму. Потомъ скоро вакансія откры-
лась—помощникомъ бухгалтера сдѣлали...

Багрецовъ. Диссертацию стало-быть пишешь?

Илимовъ. Нѣтъ. Невозможно. Цѣлое вѣдь
утро здѣсь—самое дорогое время... Придешь
домой... не то что усталый—уставать-то не
отъ чего... а точно какъ въ угарѣ: думать ни
о чемъ не можешь, все тебя раздражаетъ...

Багрецовъ. Не по тебѣ дѣло-то, выходитъ.
Это ужъ на что хуже. Это не дай Богъ. Не
по тебѣ дѣло. Подождаль-бы, перебився-бы
какъ-нибудь. Я по себѣ знаю. Отъ своего от-
станешь, къ чужому не пристанешь—бѣда!
По себѣ знаю.

Илимовъ. И я, братъ, теперь по себѣ знаю...
да что-жъ, когда такъ пришлось, что выбора
нѣтъ!

Багрецовъ. Перебився-бы какъ-нибудь...

(*Входитъ другой писецъ, беретъ со стола
горчичницу и уходитъ, съ любопытствомъ
поглядывая на Багрецова*).

Илимовъ. Ахъ, ахъ, ахъ! (*Вскакиваетъ,
дѣлаетъ нѣсколько шаговъ въ одну и другую
сторону и снова садится*).

Багрецовъ (*проводитъ писца глазами*).
Перебився-бы какъ-нибудь, говорю.

Илимовъ. Перебився-бы! Какъ я перебуюсь?
Ну, какъ? Знаешь вѣдь...

Багрецовъ. Знаю, знаю... Старушка-то не
поправилась?

Илимовъ. Не можетъ она поправиться. На-
противъ, съ каждымъ днемъ хуже. Теперь ужъ
совсѣмъ ничего не помнитъ.

Багрецовъ. А сестра? Не работаетъ? не по-
могаетъ? (*Илимовъ раздраженно усмѣхаетъ*—

ся и передергивает плечами). Внушить слѣдуетъ. Нельзя такъ. Внушить непремѣнно. Должна понять, не маленькая.

Илимовъ. Да, да... поди-ка, внуши!

Багрецовъ. И внушу. Что-жъ!

Илимовъ. Внуши, внуши!

Багрецовъ. Внушу. По совѣсти внушу. Головы не сгинетъ. Обижать не стану—правду скажу только.

Илимовъ. Правдой-то и обидишь. Нѣтъ для насъ худшей обиды, какъ правда. Нѣтъ ужъ, братъ, лучше и не пытайся!

Багрецовъ. Отчего не попытаться? Попытаться всегда надо. А за правду обижаться нельзя. Кто за правду обижается?

Илимовъ. Чтожъ это намъ чаю... (Хочетъ встать, но въ это время входитъ Людмила съ двумя стаканами.)

ЯВЛЕНИЕ 20-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Людмила.

(Подаетъ чай, Людмила съ вызывающимъ видомъ останавливается передъ столомъ. Багрецовъ удивленно смотритъ на нее.)

Илимовъ (въ смущеніи). Вотъ, кстати... позвольте васъ познакомиться... Людмила Ефимовна Аболтина—Яковъ Савельичъ Багрецовъ...

Багрецовъ (привставъ). Друзья дѣтства.

Людмила (протягиваетъ Багрецову руку). Очень пріятно познакомиться. (Илимову.) Ты никогда ничего не говорилъ мнѣ о нихъ.

(Багрецовъ удивляется еще больше, Илимовъ приходитъ въ совершенное смущеніе, — и только одна Людмила держится вполне самоуверенно.)

Илимовъ. Между нами говоря... эта дѣвица и я... не совѣжъ-то простые знакомые, какъ ты и могъ догадаться... Затѣяли мы одну штуку...

Людмила. Ну, что это, право, — какъ онъ говоритъ! Они еще Богъ знаетъ что подумаютъ. (Багрецову.) Никакой штуки, а дѣло самое обыкновенное. Семенъ Петровичъ — мой женихъ, а я его невѣста, — съ чѣмъ васъ и ивѣю честь поздравить... то есть не васъ, а... ужъ не знаю — кого! (Заливается смѣхомъ.)

Багрецовъ (Илимову). Поздравлять, что-ли?

Илимовъ (не совѣжъ свободно улыбаясь). Поздравляй, если хочешь.

Багрецовъ. Ну, дай Богъ тебѣ. (Обнимаетъ и цѣлуетъ Илимова.) Дай Богъ. Дѣло хорошее. Святое дѣло. (Людмилѣ.) И васъ также позвольте поздравить. (Жметъ ей руки.) Мы съ Сеней — старые друзья. Росли вмѣстѣ, учились, горе мыкали: старые друзья. (Илимову.) Что-жъ, это секретъ еще?

Людмила. И секрета никакого. Такъ ему вздумалось. (Слегка тербитъ Илимова за волосы.)

Багрецовъ. Извѣстное дѣло, секретничать нечего. Не худое что задумали. (Людмилѣ съ улыбкой.) Не худое вѣдь, а?

Людмила (смѣясь). Кажется, что нѣтъ. А впрочемъ, не знаю... (Голосъ Платоновы Марковны за дверью: „Людмила!“) Иду! Мамаша зоветъ, прошу извинить. Пардонъ, мусье! (Шаловливо присявъ, убѣгаетъ. Илимовъ болѣзненно морщится.)

ЯВЛЕНИЕ 21-е.

Илимовъ, Багрецовъ.

Багрецовъ. Что-жъ ты это скрываетъ, а? А еще другъ!

Илимовъ. Я не скрываю. Не успѣю сказать.

Багрецовъ. Какъ не успѣть! Первымъ дѣломъ сказать надо было — а ты молчишь. Первымъ дѣломъ. (Помолчавъ.) Давно это у васъ сладилось-то? Знакомы-то давно?

Илимовъ. Сладилось — такъ, ивѣса два или три назадъ... а знакомы съ тѣмъ поръ, какъ служу. Здѣсь и познакомились.

Багрецовъ. Скоро-же вы! Хорошо-ли узнаю-то ее? Кто она такая? изъ какихъ?

Илимовъ. Ея мать — вдова, буфетъ у насъ содержитъ... отецъ здѣсь-же служилъ — а теперь и братъ служитъ.

Багрецовъ. Во какъ! въ настоящіе служакъ записаться хочешь. Смотри! Болото вѣдь. Влѣгиваетъ — болото. Не торопился-бы. Любить — не убѣжить. А поторопишься, да ошибешься — что хорошаго. Не торопись, погоди... Чѣмъ нахмурился? Сердишься?

Илимовъ. Нѣтъ, не сержусь. (Значительно смотритъ на него.) Нельзя, братъ, годить — вотъ что.

Багрецовъ (испытывъ его долгимъ взглядомъ). Вишь ты! Правду сказалъ, что штуку затѣяли. Штука настоящая. Ужъ такая штука. (Ласково пошмыгиваясь.) Какъ же ты это, а? Вотъ они, нервы-то. Все они, все нервы.

Илимовъ. Ужъ такъ нервы-ли, нѣтъ-ли... отъ этого не легче.

Багрецовъ. Да ты любишь ее?.. Смотри, Сеней! Это вѣдь... что это! Тутъ надо... у-у-у, какъ! Любишь, что-ли?

Илимовъ. Конечно, люблю. Что ты спрашиваешь! Кажется знаешь неня... не шлонай-же я какой-нибудь, въ самомъ дѣлѣ...

Багрецовъ. А коли любишь...

Илимовъ. По-твоему, это и все? Больше ничего не надо?

Багрецовъ. Чего-жъ еще? денегъ развѣ?

Илимовъ. Не понимаешь ты! (Порывисто встаетъ, подходитъ къ окну и смотритъ въ него, барабани пальцами по стеклу; помолчавъ и не оборачиваясь, съ видимымъ усиліемъ.) Уваженія, братъ! уваженія! вотъ

го еще надо. (*Вдурь оборачивается*). А? о ты на это скажешь?

Багрецовъ (*озадаченный*). Уважения?.. Да, о... конечно... Безъ уваженія трудно... Безъ аженія нельзя... Эхъ, Семень, Семень!

Илимовъ. Чаю хочешь?

Багрецовъ (*съ досадой*). Не хо-чу! (*Скруиваетъ и закуриваетъ вторую папиросу; раздуми*). Такъ-то!.. Что-жъ тебѣ собственно... Ты вотъ говоришь: тяжело служить... Вла, что-ли, много? или народъ тяжелый? гчего тяжело-то?

Илимовъ. И дѣла немного, и народъ—какъ ародъ: есть порядочные люди, есть и дрянные... А вообще... вообще холодно все какъ-о, безучастно... Точно на барщину сходятся—гбыли и сморѣй вонъ. Не могу я такъ ратать. Какая-бъ ни была работа—я долженъ роникнуться ею, иначе она у меня изъ рукъ алиться будетъ. Да и валится уже. За что и возьмешься—противно такъ. Иногда заинтересуешься, захочешь сдѣлать получше—сейасъ же тебя холодной водой обольютъ: къ ему это все? ничего не надо! дѣлай, какъ другіе дѣлаютъ, не мудруй!.. И отношенія акія-то... деревянные—слова ласкового не слышишь... Есть у насъ касса—наша, собственная. Кажется, ужъ дѣло близкое, живое,—такъ и тутъ... Ни почина, ни товарищества. Одни наживаются,—другіе только о томъ и думаютъ, чтобъ есуду побольше сорвать... Скверно! все скверно!

Багрецовъ. Уходи, коли такъ. Чего сидишь? Уходи.

Илимовъ. Куда я уйду? куда?

Багрецовъ. На волю уходи. Голова на плечахъ есть—не пропадешь. Уходи, пока можно. А то поздно будетъ.

Илимовъ. Да и такъ ужъ поздно.

Багрецовъ. Не падай духомъ! не падай! не годятся. Упадешь духомъ—кончено. Будь твердъ. И не горячись, не волнуйся—вредно тебѣ. Сердце-то у тебя съ изъяномъ. (*Посмѣиваясь, какъ раньше*.) Хорошее сердце, а съ изъяномъ. Такъ и не тронь его, не раздражай. Не совался-бы на службу—лучше было-бы. Какой ты служака? Не въ прокъ тебѣ служба пойдетъ—я ужъ вижу, что не въ прокъ. Не служака ты... Ну, будь здоровъ. Пора. Да и тебя, небось, задерживаю. (*Встаетъ*.) Будь здоровъ. (*Цѣлуются*.)

Илимовъ. Заходи-же, не откладывай.

Багрецовъ. Зайду, зайду. Какъ не зайти! Зайду. (*Входитъ Людмила*).

ЯВЛЕНИЕ 22-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Людмила.

Людмила (*Багрецову*). Уходите?

Багрецовъ. Ухожу. Дѣла. Увидимся еще. Будьте здоровы. (*Держитъ Людмилу за ру-*

ку.) Выйдете за него—пожалѣйте, поберегите. Человѣкъ хороший. Помягче съ нимъ будьте, поласковѣй. Сердца больше слушайтесь. Сердце не обманетъ. Разсудокъ обмануть можетъ, а сердце—нѣтъ. Слушайтесь сердца.

Людмила (*прижимаясь къ Илимову*). Я слушаюсь. Потому и замужъ за него иду.

Багрецовъ. Слушайтесь, слушайтесь. (*Илимову*.) Ты нѣ дорогу-то укажи, а то заблудишься еще тутъ у васъ, не дай Богъ. Мѣсто служебное. За чай-то какъ? платить?

Илимовъ. Я запишу.

Багрецовъ. Ну, пиши. Спасибо на угощеніи. (*Идетъ къ двери въ сопровожденіи Илимова, которая Людмила, когда онъ проходитъ мимо нея, украдкой щиплетъ за руку. Тотъ слегка вскрикиваетъ, Багрецовъ оборачивается, Людмила хохочетъ*.)

Багрецовъ (*съ улыбкой*). Не обижайте нѣ его! не обижайте!

Людмила. Это я отъ избытка чувствъ.

Багрецовъ. Все равно, обижать не годится. Любите—приласкайте. А обижать—Боже сохрани. (*Илимовъ и Багрецовъ уходятъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Людмила. Вотъ чудакъ-то! А ничего-себѣ: причесать, дапріодѣтъ—кавалеръ во всей формѣ. Поинтереснѣ моего, пожалуй.. (*Задумчиво*.) И за что я его полюбила? (*Входитъ Шленкъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 24-е.

Людмила, Шленкъ.

Людмила. Вашъ чай совсѣмъ простылъ. (*Собираетъ опорожнившуюся посуду и хочетъ идти*.)

Шленкъ. Ничего. Я люблю холодный... (*Ослабляясь*.) Куда-же вы? Побесѣдуемте. Мнѣ одному скучно.

Людмила (*видимо польщенная*). А со мной будто весело будетъ?

Шленкъ. Конечно. Съ хорошенькими всегда весело.

Людмила. Что это вы!

Шленкъ. Да вѣдь вы сами знаете, что вы хорошенькая. Не можетъ быть, чтобъ не знали. Сядьте, мнѣ такъ неудобно разговаривать съ вами. Сядьте-же! (*Сажаетъ ее рядомъ съ собой*.) Вы даже очень хорошенькая, право. Можно васъ поцѣловать?

Людмила (*смѣясь*). Нѣтъ, нельзя.

Шленкъ. Отчего? А если я все-таки поцѣлую?

Людмила. Я разсержусь.

Шленкъ. Это будетъ очень мило. Я люблю, когда хорошенькія сердятся.

Людмила (*приподнимаясь*). Мнѣ некогда, право.

Шленкъ (*удерживая ее*). Посидите минуточку. (*Цѣлуетъ*.)

Людмила (*слабо сопротивляясь, шопотом*).
Послушайте! что вы! не надо!

Шленнѣ (*продолжая шлопать*). Отчего не надо?

Людмила. Нехорошо. Войти могутъ. Довольно ужъ... пустите!

Шленнѣ. Поцѣлуйте меня—тогда пушу.

Людмила. Ну, ужъ нѣтъ! этого не дожде-тесь! (*Вырывается и бѣжитъ къ двери. Шленкз настаиваетъ ее и снова шлуетъ. Входитъ Илимовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 25-е.

Людмила, Шленкз, Илимовъ.

Людмила (*сразу мнѣя тонъ*). Оставьте! какъ вы свѣте! что за охальство такое!

Илимовъ (*схвативъ Шленку за шиворотъ, вт. себя*). Мальчишка! дрянн! уши надеру!

Шленнѣ (*не то возмущенный, не то перепуганный*). Что вы... слыла вы сошли...

Людмила (*растерявшись*). Сеня! Семенъ Петровичъ! оставьте! я васъ прошу!

Илимовъ (*освобождая Шленку и тяжело дыша*). Смотрите, въ другой разъ не попадайтесь нѣтъ! задущу! (*Входитъ Платонида Марковна. Шленкз, совершенно уничтоженный, схватываетъ папку и почти убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 26-е.

Людмила, Илимовъ, Платонида Марковна.

Плат. Марк. (*подозрительно поглядывая на обоихъ*). Что здѣсь такое?.. Людмила!

Людмила (*избѣгая ея взгляда*). Не знаю... они тутъ съ Семенъ-Петровичемъ...

Илимовъ. Этотъ негодяй насильно поцѣловалъ ее... ну, и получилъ.

Плат. Марк. А-а-а... (*Въ интъ наступаютъ на дочъ.*) Ты это что-жъ? Всѣмъ ужъ безъ разбора на шею вѣшаться?

Людмила (*отодвигаясь и защищая лицо руками*). Мамаша! я не виновата! честное слово! Онъ самъ...

Плат. Марк. Не виновата? онъ самъ? да еще честное слово? Ахъ, ты... (*Съ силой дергаетъ ее.*)

Илимовъ. Не смѣйте ее трогать!

Плат. Марк. Вы тутъ что еще? вамъ какое дѣло? Защитникъ тоже выискался! Я вотъ еще разговоръ должна вѣтъ съ вами...

(*Людмила украдкой дѣлаетъ Илимову поощрительные знаки.*)

Илимовъ (*волнуясь и не замѣчая этого*). Очень хорошо... Я тоже... завтра... (*Взглянувъ на Людмилу.*) Даже сегодня, если хотите... сейчасъ...

Плат. Марк. Затѣмъ сейчасъ? Здѣсь не мѣсто. Да правду сказать... и разговаривать намъ съ вами не о чемъ: такъ, съ языка со-

рвалось. А прошу васъ избавить мой домъ отъ вашихъ посѣщеній—вотъ и все. Эдакъ лучше будетъ. Ужъ не взыщите. Вы человѣкъ образованный—сами должны понять...

Илимовъ. Позвольте. Совсѣмъ не то. Я ирену васъ руки вашей дочери.

(*Людмила мгновенно пріободряется.*)

Плат. Марк. (*совсѣмъ ужъ иначе, но съ еще недоверчиво*). Вотъ какъ!

Илимовъ. Да. (*Не глядя на Людмилу, беретъ ее за руку.*) Мы любимъ другъ друга—если вы ничего противъ меня не имѣете...

Плат. Марк. Это иное дѣло. И разговоръ теперь особый будетъ—только опять—такъ и здѣсь. Завтра милости просимъ къ намъ и пироги—тогда и поговоримъ. (*Ласково грозитъ дочери.*) Ну, счастье твое, что защитникъ наша, а то-бы...

(*Людмила кидается къ ней на шею. Входитъ Аболтинъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 27-е.

Людмила, Илимовъ, Платонида Марковна, Аболтинъ.

Аболтинъ. Что за нѣжности при нашей бѣдности?

Плат. Марк. Поздравь. Невѣста.

Аболтинъ (*удивленный*). Ну, да?

Плат. Марк. Вѣрно.

Аболтинъ. Чья-же? кто?

Плат. Марк. (*указывая на Илимова*). Вотъ (*Людмила прижимается къ Илимову.*)

Аболтинъ. Вотъ такъ штука! Ай-да Милк! молодецъ!.. Ну, Семенъ Петровичъ, ежели намъ теперь изъ управленія да не зайти—такъ ужъ я и не знаю!

Илимовъ. Я съ удовольствіемъ... только вѣдь я ничего не пью.

Аболтинъ. Такъ я пью, Господи Боже мой! А вы хоть немножко—нельзя!

Людмила. Не надо, не надо! баловство. Теперь онъ долженъ деньги беречь.

Плат. Марк. Конечно, баловство.

Аболтинъ. Цыцъ, бабы! Не вашего ума дѣло. Маршъ!

Плат. Марк. (*шутливо*). Какъ ты смѣешь съ матерью такъ обращаться?

Аболтинъ. А мать не суйся! Маршъ, марш!

Людмила (*матери*). Можно нѣтъ его поцѣловать?

Плат. Марк. Цѣлуй, что-жъ!

(*Людмила обнимаетъ и целуетъ Илимова.*)

Аболтинъ. Важно!

Плат. Марк. Ой, что-то ужъ... Видно, не въ первый разъ.

Людмила (*смѣясь*). Не въ первый!

Плат. Марк. То-то! Поидеть. (*Платонида Марковна и Людмила уходятъ. Аболтинъ многозначительно подмигиваетъ Илимову.*)

щелкаетъ себя по галстуху и, пошмываясь, тоже уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ 28-е.

Илимовъ (однѣ). Сказалъ. Конечно. Говорять, когда рѣшишься на что-нибудь, такъ

легче становится... А итѣ вотъ не легче. Тяжелѣе даже... И грустно какъ-то. Точно вотъ обронилъ что-нибудь—любимое, дорогое... обронилъ, потерялъ — и не найти ужъ... (Съ усмѣшкой.) Хорошо, что я въ предчувствія не вѣрю!..

В Т О Р А Я К А Р Т И Н А.

Барвара Михайловна—мать Илимова, безпамятная. (Сухенькая, тихенькая старушка, съ доброй улыбкой и растерянными взглядами)

Юлія—сестра Илимова, дѣвушка. (Находясь въ переходномъ возрастѣ, сохраняетъ еще восторженность наивной институтки, но вѣсть съ тѣмъ обнаруживаетъ уже и сварливость безнадёжной дѣвственницы.)

Мышкина Глафира Осиповна—дальняя родственница Илимовыхъ, вдова. (Пожилая особа—рыхлая, простодушная и безтолково-суевѣрая.)

Дѣйствіе происходитъ въ общей квартирѣ Илимовыхъ и Аболтинныхъ, черезъ нѣсколько лѣтъ.

Небогато, но съ мѣщанскими притязаніями, обставленная уютная. Направо два окна, выходящая на улицу; налево дверь, ведущая на половину Аболтинныхъ; въ глубинѣ дѣтскія двери: правѣе—на половину Илимовыхъ, лѣвѣе—въ переднюю. У перваго окна небольшой рабочей столъ; за нимъ стулъ, а сбоку кресло. Налево диванъ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Юлія, Мышкина.

(Юлія—за рабочимъ столикомъ, на стулѣ, съ книгой; Мышкина—тутъ-же, на креслѣ, съ вязаньемъ.)

Юлія (читаетъ вслухъ, съ увлеченіемъ и необыкновенною выразительностью). «Вся дрожь отъ страха, Генриетта уже не шла, а бѣжала, и рѣшилась передохнуть лишь тогда, когда среди низкихъ, полуразрушенныхъ лачугъ выдѣлилась передъ ней темная масса шеститажнаго дома. Ни одно окно не свѣтилось: можно было подумать, что домъ необитаемъ; а между тѣмъ, если Генриетта не обманула, здѣсь въ настоящую минуту совершалось дѣяніе, которому она не могла-бы вѣрить. — Слѣдуя указаніямъ письма...»

Мышкина. Погоди, моя душечка. Я не поняла, отъ кого это она получила письмо?

Юлія. Ахъ, тетя, какъ вы слушаете! Неизвѣстно отъ кого, въ томъ-то и дѣло.

Мышкина. А я знаю. Отъ графа.

Юлія. Что вы! что вы! вотъ выдумали! съ какой стати графъ будетъ такіа письма писать?

Мышкина. А съ такой, что этотъ бракъ разрушилъ его навѣренія.

Юлія. Ну, такъ что-жъ?

Мышкина. Ну, онъ и мститъ, вооружаетъ.

Юлія (горячо). Никогда онъ этого не сдѣлаетъ! никогда! Не такой онъ совсѣмъ чловѣкъ. Хотя и холодный, но честный. Никогда не сдѣлаетъ!

Мышкина. Да вѣдь ты навѣрное не знаешь, моя душечка?

Юлія. И вы навѣрное не знаете. Вамъ-бы только поспорить.

Мышкина. Ну читай, читай, моя душечка!

Юлія. Перебиваете только.

Мышкина. Молчу, молчу.

Юлія (читаетъ). «Слѣдуя указаніямъ письма, несчастная женщина вошла въ полуотворенную дверь и поднялась во второй этажъ. Вдругъ ее схватили за руку. Она не успѣла вскрикнуть, какъ услышала отвратительный старушечій голосъ, шептавшій ей:—«Тсс... ни звука! идите за мной и не бойтесь». Генриетта повиновалась. Черезъ минуту... (Взлмнувъ въ окно.) Ахъ, тройка!» (Вскакиваетъ съ мѣста и припадаетъ къ стеклу.) Понеслись! Счастливыцы.

Мышкина. Читай, читай, моя душечка! ужасно интересно.

Юлія (со вздохомъ). Счастливыцы... (Садится и читаетъ.) «Черезъ минуту они остановились. Послышался шорохъ, и передъ Генриеттой блеснула свѣтлая точка; приглядѣвшись, она поняла, что это—отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ, или въ двери.—«Смотрите!»—прошептала старуха. Чувствуя, что послѣднія силы покидаютъ ее, Генриетта прильнула къ отверстию... и увидала Жозефину въ объятіяхъ своего мужа!» (Говоритъ.) Это ужасно!

Мышкина. Я въ этомъ была увѣрена. Съ самаго начала было видно.

Юлія. Совсѣмъ этого не было видно! Вы теперь говорите, когда знаете. Удивительно, что онъ могъ въ ней найти!

Мышкина. Нечему тутъ удивляться, моя душечка. Еслибъ ты не была дѣвушкой, ты

бы не удивлялась. Очень жаль, что я не могу объяснить тебѣ.

(Съ половины Иммовильхъ входитъ Варвара Михайловна—непричесанная, въ спальной кофты и въ юбку отъ платья, надътой на изнанку.)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Юлія, Мышкина, Варвара Михайловна.

Варвара Мих. А что, гроза ужъ прошла? Мышкина (съ удивленіемъ). Какая гроза, моя душечка?

Варвара Мих. Гроза, обыкновенная: молнія, громъ... Какъ ты этого не понимаешь?

Мышкина. Никакой грозы не было, моя душечка, и не могло быть.

Варвара Мих. Отчего же окна затворены? (Садится въ кресло.)

Юлія. Ахъ, мама! вѣдь теперь-же зима.

Мышкина. Зима теперь, моя душечка, и никакой грозы быть не можетъ.

Варвара Мих. Скоро-ли мы къ себѣ переѣдемъ? Здѣсь такъ неудобно.

Юлія. Что это вы мама! Мы у себя.

Варвара Мих. Ну, вотъ еще! у себя! точно я не вижу... Вы ужъ въ самомъ дѣлѣ меня за какую-то дуру считаете. Я очень хорошо вижу, что и комнаты совсѣмъ не тѣ, и какіе-то посторонніе люди...

Мышкина. Какіе посторонніе люди, моя душечка? Никакихъ постороннихъ людей здѣсь нѣтъ.

Варвара Мих. И ты туда-же? Впрочемъ, ты известная спорщица. Какъ ты говоришь: нѣтъ постороннихъ людей,—когда я только что видѣла въ корридорѣ мужчину и даму!

Мышкина (вспоминаясь). Душечка моя! Ужъ не воры-ли это? Шуба моя! шуба!

Юлія. Ахъ, тетя! будто вы не знаете! Это мама видѣла Кузьму Ефимыча и Платониду Марковну. Который ужъ разъ это.

Мышкина (успокоиваясь). То-то, моя душечка. А я ужъ испугалась. Я такъ боюсь за свою шубу.

(Слѣва входитъ Аболтинъ, съ папирсой.)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Юлія, Мышкина, Варвара Михайловна, Аболтинъ.

Аболтинъ. Кончили чтеніе? Слава те, Господи!

Юлія (вспыхнувъ). Мы вамъ, кажется, не вѣшали.

Аболтинъ. Какъ же не вѣшали! Ни войти, ни слова ни сказать... (Усаживается на диванъ и выпускаетъ цѣлый клубъ дыма.) Читали бы въ своей комнатѣ.

Юлія. Я думаю, это комната общая?

Аболтинъ. Къ кому-то я и говорю.

Мышкина (отмахиваясь сполосо). Опять этотъ ужасный табакъ!

Юлія (также). Да, ужъ...

Варвара Мих. Угарь! угарь!

Мышкина (значительно). Это не угарь, моя душечка. Это вѣдь курать.

Аболтинъ (фырнувъ). Похоже!

Юлія (раздраженно). Въ самомъ дѣлѣ, Кузьма Ефимычъ: вашъ табакъ—это ужасъ, что такое! У меня отъ него всегда голова болитъ.

Аболтинъ. А у меня не болитъ.

Юлія. Надо и о другихъ подунать, которые нюхать приходится.

Аболтинъ. Не нюхайте.

Юлія. Съ вами невозможно говорить. Кромя грубостей, ничего отъ васъ не услышишь.

Аболтинъ. Не говорите.

Мышкина (тихо). Оставьте, моя душечка! (Варвара Михайловна встаетъ и хочетъ идти.)

Аболтинъ (взявшаго на нее и прыснувъ отъ смѣха). Глядите-ка! юпка-то, юпка!

Мышкина. Ахъ, моя душечка! опять!

Юлія (вскрикиваетъ, съ сердцемъ). Это невозможно, просто! Пойдите, мама.

Варвара Мих. Куда?

Юлія. Вамъ переодѣться нужно. И голова у васъ...

Варвара Мих. Зачѣмъ переодѣться? что такое голова?

Юлія (едва сдерживаясь). Пойдите ужъ!

Варвара Мих. Вотъ фантазія! (Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Мышкина, Аболтинъ.

Аболтинъ. Живутъ же этакіе!

Мышкина. Какъ вамъ не стыдно, моя душечка, это говорить! Женщина старая, больная... Чте она вамъ сдѣлала?

Аболтинъ. Ничуть не стыдно, мой ангелочекъ. Потому—какая отъ нея кому польза, либо радость? Ни себѣ, ни другимъ. Памяти нѣтъ, дѣлать ничего не можетъ,—а вѣдь накормить—напоятъ ее надо, одѣть-обуть надо, уголь дать надо—да еще смотри за ней, какъ за маленькой! Одна тягость.

Мышкина. Я не понимаю, Кузьма... Кузьма Епифанычъ...

Аболтинъ. Ефимычъ.

Мышкина. Кузьма Ефимычъ... Я не понимаю, Кузьма Ефимычъ... Я, кажется, не дала вамъ повода... Ангелочекъ! Странно...

Аболтинъ. Что-жъ такое! Вы меня душечкой, а я васъ ангелочкомъ,—очень просто.

Мышкина. У меня такая привычка. Наконецъ, мои годы...

Аболтинъ. Годы у васъ еще не Богъ вѣсть

какіе. Вы еще хотъ куда. (*Помолчалъ.*) Давно вдвоете?

Мышкина (*недоотрчиво*). Зачѣмъ вамъ это знать?

Аболтинъ. Секретъ, что-ли?

Мышкина (*послѣ нѣкотораго колебанія*). Восьмой годъ.

Аболтинъ. Вона! Женщина можно сказать въ самомъ еще соку — и столько лѣтъ безъ мужа! Легко-ли это? Вамъ-бы опять замужъ выйти?

Мышкина. Что вы, что вы, моя ду... (*Схватившись умоляетъ*).

Аболтинъ. Право. И себѣ утѣшеніе доставить, и какому-нибудь бѣдному человѣку добро сдѣлать. Девъжонки-то у васъ есть, я знаю.

Мышкина (*испуанно*). Вотъ ужъ нѣтъ! вотъ ужъ...

Аболтинъ (*не слушая ея*). Хотъ бы меня, наприжѣръ, взять. Чѣмъ не женихъ? (*Молчаніе. Пересаживается поближе.*) Какъ вы объ этомъ предметѣ полагаете?

Мышкина (*съ сильнымъ волненіем*). Оставьте, моя душечка! уходите! какъ можно!

Аболтинъ. Очень даже можно. Это ничего, что вы старше меня. И не такіе вѣнчаются. Мы еще съ вами пожилы бы. А? (*Хочетъ обнять ея.*)

Мышкина (*срываясь съ мѣста*). Это... я не знаю... Это ни на что не похоже! Я Сеничкѣ пожалуюсь! Нога моя здѣсь больше не будетъ! (*Зливаясь слезами и постыжно собираетъ свое вязанье. Юлія возвращается.*)

ЯВЛЕНИЕ 5.

Мышкина, Аболтинъ, Юлія.

Юлія. Тетя, что это вы?

Мышкина. Нога моя здѣсь больше не будетъ, моя душечка! нога не будетъ!

Юлія. Да что такое? (*Аболтину, съ пренебреженіемъ.*) Это ужъ вы вѣрно, что-нибудь?

Аболтинъ. А хотъ-бы и я!

Юлія. Охота вамъ, тетя, обращать вниманіе!

Аболтинъ. Пфф... скажи-ите!

Мышкина. Нельзя не обращать вниманія, моя душечка. Не будешь обращать вниманія, такъ Богъ знаетъ до чего дойдетъ. Я не буду обращать вниманія, ты не будешь обращать вниманія...

Аболтинъ. Онъ, она, оно не будетъ обращать вниманія... Грамматику-то еще не забыли!

Мышкина. Слышишь, моя душечка? Слышишь? Какъ же я могу...

Юлія. Надо Сенѣ сказать—больше ничего. Онъ положить этому конецъ.

Мышкина. Я скажу, моя душечка. Я непременно скажу. И не одно это, а многое. У меня есть что сказать.

Аболтинъ. Ахъ, страсти какія! Что вы сказать-то можете? дозвольте полюбопытствовать.

Юлія. Съ вами не разговариваютъ... (*Прислушивается.*) Да вотъ и Сеня, кстати. Отлично! отлично!

Аболтинъ (*паясничая*). Ну, пропала моя головушка! Охъ, батюшки! охъ, матушки! Что-жъ нѣтъ дѣлать, горемычному?

(*Юлія презрительно усмѣхается. Изъ передней входитъ Илимовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Мышкина, Аболтинъ, Юлія, Илимовъ.

Илимовъ. Здравствуйте, тетушка. (*Здоровается съ Мышкиной за руку и садится на оставленное ею кресло.*) Усталъ.

Мышкина. Здравствуй, моя душечка.

Юлія. Зачѣмъ ты такъ много ходишь, Сеня? Тебѣ не хорошо вѣдь.

Илимовъ. Гдѣ газета? (*Юлія подаетъ ему газету съ другого стола.*) Спасибо.

Мышкина. Здравствуй и прощай, моя душечка.

Илимовъ. Куда же вы? Не пообѣдаете развѣ съ нами?

Мышкина. Я такъ и рассчитывала, моя душечка, и дома ничего не готовила. Да вотъ...

Юлія. Тетя очень обижена. Кузьма Ефимычъ что-то такое... Пусть она сама скажетъ—я не знаю. (*Садится къ столу и перелистываетъ книгу.*)

Илимовъ (*нетерпливо*). А-ахъ!

Мышкина. Не тревожься, моя душечка! не тревожься! я не стану... я ничего не скажу.

Аболтинъ. Сказать-то нечего.

Мышкина (*всталивъ*). Нечего? Нѣтъ, есть что! много даже есть!

Аболтинъ. Воображаю!

Мышкина. Много, много, много! Ахъ, еслибъ я только могла сказать...

Аболтинъ Э, ну васъ! (*Хочетъ идти.*)

Мышкина. Ага! струсли, моя душечка? струсли?

Аболтинъ (*останавливается*). Кто, я струсли?

Мышкина. Вы, вы, моя душечка! вы! Ужъ нечего.

Аболтинъ Обалдѣли!

Илимовъ (*строго*). Кузьма Ефимычъ!

Аболтинъ. Да что Кузьма Ефимычъ! что она, въ самомъ дѣлѣ, привязалась! Обидѣли, обидѣли—а сама ко нѣмъ лѣзетъ.

Илимовъ (*Мышкиной*). Уйдите отсюда. Самое лучшее.

Мышкина (*волнуясь*). Я уйду, моя душечка. Я уйду. И ужъ, конечно—нога моя больше здѣсь не будетъ.

Илимовъ. Это совершенно напрасно. Вы здѣсь у меня—и никто не имѣетъ права оскорблять васъ.

Юлія. Разумѣется, тетя, онъ здѣсь хозяинъ. Мышкина. Нѣтъ, нѣтъ, моя душечка. Я не могу у васъ бывать. И не потому, что Кузьма... Кузьма Епифанчъ...

Аболтинъ. Епифанчъ.

Мышкина. Все равно, моя душечка. Не потому, что Кузьма Епифанчъ обидѣлъ меня — Богъ съ нимъ, я не злопамятна, — а потому что многого не могу видѣть. Ты ни въ не чужой, моя душечка, и я не могу, не могу...

Аболтинъ Тпфу! (*Закуриваетъ папиросу.*)

Илимовъ. Успокойтесь, тетушка.

Мышкина. Я спокойна, моя душечка. Я совершенно спокойна. Но когда тебя обманываютъ, обсчитываютъ...

Аболтинъ (*снова собирающийся уйти, оставившись*). Что?! Что?!

Юлія (*испуганно втомолоса*). Те-тя!

Илимовъ (*брезливо*). Оставьте это, тетушка.

Аболтинъ. Нѣтъ, не оставьте. Теперь ужъ я не оставлю. Пусть она скажетъ.

Мышкина. И скажу, моя душечка. Все скажу. Вы думаете — струшу, какъ вы? Напрасно думаете! Сейчасъ скажу.

Аболтинъ (*возвышая голосъ*). Да вы не страшайте, а говорите толкомъ! Хвостомъ-то нечего вляять.

Мышкина (*тоже*). У меня нѣтъ хвоста, моя душечка! я не вѣдьма!

Аболтинъ. Кто васъ знаетъ!

Илимовъ (*изо всей силы стукнувъ кулакомъ по столу*). Довольно! (*Всѣ вздрагиваютъ. Илимовъ, овладевъ собой, снова принимается за газету, руки у него дрожатъ и газета пляшетъ.*)

Юлія (*вскакиваетъ и отъ испуга не знаетъ куда кинуться*). Тетя! Кузьма Епифанчъ! переставьте! вы убьете его!... Сеня! голубчикъ! успокойся! Это все вы, Кузьма Епифанчъ!

Аболтинъ (*съ сердцемъ*). Ужъ вы-то не суйтесь, ради Бога! вы-то не суйтесь! Сидите у брата на шеѣ — и не суйтесь.

Юлія (*оторопѣвъ*). Какъ вы смѣете...

Мышкина (*наступающая на Аболтина*). А вы не сидите у него на шеѣ? Вы не сидите?

Аболтинъ. Нѣтъ, я не сижу. Я на службѣ нахожусь, а она... (*Умолкаетъ.*)

Мышкина. Ну, что она? что она?

Аболтинъ. Дармоѣдка, вотъ что!

Юлія (*чуть не плачетъ*). Какъ вы смѣете? Сеня! какъ онъ смѣетъ?

Мышкина. А вы.. воръ!

Аболтинъ. Что-о-о?!

Мышкина. Воръ, воръ, моя душечка! воръ!

Илимовъ (*схвативъ газету, швырнулъ ее на полъ, вскочилъ, пошатнулся и снова сѣлъ*). Уфъ!

Аболтинъ (*разсвирѣпѣвъ*). Ну-ка, скажи еще!! скажи, чортова тумба!!

Мышкина (*Илимову, зазлбываясь*). Ты

знаешь, моя душечка... Ты давшь Платонидѣ Марковнѣ деньги на рынокъ, а она ему изъ этихъ денегъ на табакъ да на пиво...

Илимовъ (*умоляя*). Пощадите меня!

Аболтинъ (*растерявшись*). Э-э-э... вотъ оно что! Хорошо. Превосходно. Это мы сейчасъ... (*Кричитъ въ дверь мамаша.*)

Мышкина. Зовите, зовите, моя душечка!

Аболтинъ. Мамаша! (*Голосъ Платониды Марковны вдали: «Ну, что? Некогда мнѣ».*) Идите сюда! (*Голосъ Платониды Марковны: «Некогда, говорю».*) Идите. Нужно. Необходимо. (*Отходитъ отъ двери.*) Это мы сейчасъ. Это мы такъ не оставимъ.

Илимовъ (*Юлія*). Людмила дона?

Юлія. Да, дона. (*Илимовъ хочетъ идти.*)

Аболтинъ. Нѣтъ, ты не уходи. Такъ нельзя. Ты не уходи.

Мышкина. Не уходи, моя душечка! Я безъ тебя боюсь.

Илимовъ (*въ изнеможении*). О, Воже мой! (*Юлія поднимаетъ газету и расправляетъ ее.*) Дай сюда. (*Входитъ Платонида Марковна.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Мышкина, Аболтинъ, Юлія, Илимовъ, Платонида Марковна.

Плат. Мари. (*сыну*). Ну, какая тамъ надобность? У меня кофей жарится — сгорить.

Аболтинъ. Тутъ поважнѣе вашего кофей. Послушайте-ка. (*Указываетъ на Мышкину.*) Эта вотъ... (*съ ударениемъ*) госпожа... сейчасъ меня воровъ обозвала — да и васъ ужъ за одно. (*Мышкиной, которая хочетъ говорить.*) Потерпите маленько. (*Матери, указывая на Илимова.*) Будто вы изъ его денегъ, что вамъ на хозяйство отпускаются, потихоньку нѣ даете на табакъ да на... (*Мышкиной.*) На что еще?.. Да, па пиво. На табакъ и на пиво. Извольте видѣть? Какъ вамъ это... Какъ вы скажете?

Плат. Мари. (*окинувъ Мышкину презрительнымъ взглядомъ*). Вы это видѣли?

Мышкина. Какъ будто непрежѣнно нужно видѣть, моя душечка.

Плат. Мари. Да нѣтъ, вы отвѣчайте: видѣли вы?

Мышкина. Не видала, а слышала.

Плат. Мари. Отъ кого слышали?

(*Юлія устремляетъ на Мышкину умоляющій взоръ.*)

Мышкина. Это мое дѣло.

Аболтинъ. Нѣтъ, вы должны сказать!

Плат. Мари. Отъ кого слышали? (*Замѣтивъ, что Мышкина въ нерышимости смотритъ на Юлію, обнаруживающую беспокойство.*) А-а! понятно. (*Юлія.*) Такъ это вы изволили?

Юлія (*заносчиво*). Мало-ли ны о чемъ между собой говорить.

Илимовъ (*снова выходя из себя*). Слншгъ много говорите! Слишкомъ много! И ты особенности! ты дѣлйй день говоришь!

Юлія (*вспыхнувъ*). Вотъ это странно! Не лчатъ же нѣ. Всѣ говорятъ.

Илимовъ. Всѣ говорятъ, но и дѣло дѣла-тъ! А ты что дѣлаешь? романы глупые чи-ешь?

Мышкина. Почему же глупые, моя душечка?
Юлія (*со слезами*). Скажи ужъ прямо, что у тебя на шеѣ сижу, что я тебѣ въ тягость! ни то же самое говорятъ.

Плат. Марк. Что-жъ, это неправда развѣ?
Юлія (*взвизгивая*). Не ваше дѣло!

Плат. Марк. А въ чужія дѣла соваться ва-е дѣло? Видѣли вы то, что говорите? видѣли?
Илимовъ (*Юліи строго*). Ну?!

Юлія (*присмирѣвъ*). Нѣтъ... я не видала.

Плат. Марк. И вы не видали! Ни та, ни другая. Такъ и запишемъ. Слышали стало-быть?

Юлія. Слышала.

Плат. Марк. Отъ кого?

Юлія (*почти шопотомъ*). Отъ Прасковьи.

Плат. Марк. Отъ Пра-ско-вьи?! (*Съ на-сильственнымъ смѣхомъ*.) Вотъ такъ чудес-но! (*Съну*.) Кузя! Какое это? (*Аболтинъ ма-шетъ рукой*.) Спросишь Прасковью, коли на то пошло. (*Хочетъ идти*.)

Илимовъ (*решительно*). Нѣтъ, ужъ я это-го не позволю!

Юлія (*прободрившись*). Вотъ тоже еще! ку-зарку спрашивать!

Илимовъ (*строго*). Молчи!

Плат. Марк. (*Юліи*). Отчего-жъ и не спро-сить? Вы же съ ней разговаривали, оказывает-ся, о чѣмъ бы и не слѣдъ барышнѣ съ кухар-кой разговаривать.

Аболтинъ. Зовите, мамаша! зовите!

Илимовъ. Не позволю я этого! Кончено! ни слова!

Аболтинъ. Я тоже не позволю, чтобъ меня ворожъ называли! Воръ я по твоему? воръ?

Илимовъ (*Юліи*). Все ты! все ты! (*Юлія плачетъ*.)

Мышкина. Душечка моя, она не виновата.

Илимовъ. А я виноватъ? а я виноватъ? За что-жъ вы меня нучаете?

(*Съ половины Илимовыхъ входитъ Люд-мила, весело натывая «Конфетку»*.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Мышкина, Аболтинъ, Юлія, Илимовъ, Плато-нида Марковна, Людмила.

Людмила. Что за шумъ, а драки нѣтъ?

Плат. Марк. Погоди еще, матушка, будетъ и драка. Все будетъ. Когда ужъ ворами обзы-ваютъ, такъ до драки не далеко.

Людмила (*равнодушно*). Опять что-нибудь вышло? И какъ это вамъ не надоѣсть!

Плат. Марк. Да ужъ такое вышло, что луч-ше и не надо. И надоѣло-таки, правду ска-зать. Такъ надоѣло, такъ надоѣло... Глафира Осиповна и Юлія Петровна изволили мужу тво-ему на насъ съ Кузьмой пожаловаться, что ны его обкрадываетъ, видишь-ли...

Людмила. Глафира Осиповна чего не выду-маешь. (*Натываетъ*.)

Мышкина. Я не выдумала, моя душечка. Я отъ Юлиньки слышала, а ей Прасковья ска-зала.

Людмила. Вонъ куда поѣхало! Удивительно даже. (*Юліи*.) Пойдешъ на катокъ погляднншь. Тамъ музыка нынче.

Юлія. Ахъ, въ самоиъ дѣлѣ! Погода такая чудная...

Людмила. Одѣвайся! (*Юлія убѣгаетъ къ себѣ въ припрыжку*.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Мышкина, Аболтинъ, Илимовъ, Платонида Мар-ковна, Людмила.

Аболтинъ (*съ негодующимъ видомъ*). Ма-маша, что-жъ это?

Плат. Марк. Я ужъ и не знаю... Людмила, ты съ ума сошла никакъ? Какъ у тебя духу-то хватаетъ?

Людмила. На катокъ-то идти? Дурного тутъ, кажется, ничего нѣтъ.

Аболтинъ. Что ты конедію строишь? Гово-рятъ тебѣ: меня и нанашу ворами обозвали! Что жъ намъ такъ при этомъ званіи и оста-ваться?

Людмила. Мало ли что кону въ голову взбре-детъ! Да меня какъ хочешь обзывай—я и вни-манія не возьму.

Аболтинъ. Ну, я на это не согласенъ.

Плат. Марк. Я тоже не согласна.

Аболтинъ. Дѣло-то видно къ чему клонит-ся. Я ни одной минуты здѣсь больше не оста-нусь, а вамъ какъ угодно.

Плат. Марк. И я не останусь! Я безъ тебя ни за что не останусь! Ты уйдешь—и я уйду.

Людмила. Что пустяки-то говорить! Никуда вы не уйдете. А вотъ я такъ уйду сейчасъ. (*Натываетъ*.)

Плат. Марк. (*заступая ей дорогу*.) Не уйду? не уйду?

Людмила. Конечно, не уйдете. Не въ пер-вый разъ. Что вы меня не пускаете то?

Плат. Марк. (*вынимаетъ изъ кармана ключи и бросаетъ ихъ на полъ*). Такъ вотъ же вамъ! Хозяинчайте сами, какъ знаете!

(*Илимовъ поднимаетъ ключи и подаетъ ихъ женѣ*.)

Людмила Я не возьму. Съ какой стати?

Илимовъ. Кому же взять, какъ не тебѣ?

Людмила. Кто швырнулъ, тотъ и возьметъ. (*Илимовъ бросаетъ ключи на столъ*.)

Плат. Мари. Ну ужъ нѣтъ-сь! Ну ужъ нѣтъ-сь!

Аболтинъ. Это вы, ахъ, оставьте. Что-жъ, мамаша? Кажется, печего намъ больше...

Плат. Мари. (*кланяясь съ насмѣшливою почительностью*). Прощайте, Людмила Ефимовна. Не поминайте лихомъ...

Людмила. Ахъ, мамаша! охота вамъ... Ну, онъ извинится передъ вами—и Юлія, и Глафира Осиповна...

(*При послѣднихъ словахъ входитъ Юлія, одѣтая для выхода по зимнему.*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Мышкина, Аболтинъ, Илимовъ, Платонида Марковна, Людмила, Юлія.

Юлія (*снова всхлипывая*). Я извиниться не намѣрена. Въ чѣмъ я буду извиняться?

Мышкина. И я тоже, моя душечка. Меня первую обидѣли.

Людмила (*матери*). Ну, такъ я за нихъ. Извините, пожалуйста. (*Брату*). И ты извини.

Юлія. Да не хочу я совсѣтъ! что это такое?

Мышкина. Не хочу, не хочу, не хочу!

Людмила (*всплывъ*). А не хотите, такъ и плевать на васъ!

Илимовъ. Людмила!

Людмила (*не обращаетъ на него вниманія*). Фигуряютъ еще тоже! приживалки!

Мышкина. Ахъ! ахъ!

Юлія (*со слезами*). Сеня! слышишь?

Илимовъ. Людмила!

Людмила. Оставь! не твое дѣло.

Илимовъ (*пораженный*). Какъ не мое дѣло? какъ не мое дѣло?

Людмила. Не твое, понятно. Знай свою службу.

Илимовъ. Это еще что за новости?

Людмила. Новости, да. Не все же по старому, пора и по новому. Довольно ужъ ты покомандовалъ, надо и честь знать. Которые нужны дѣйствительно для семьи, для дома стараются—службой не манкируютъ, начальству угождаютъ, тѣ и покомандовать могутъ, глава такъ глава и есть. А тебѣ это слово не пристало.

Илимовъ. Опомнись, Людмила! опомнись!

Людмила (*не слушая его*). Сколько ужъ лѣтъ ты служишь, а что выслужилъ-то? Все на сенестахъ рубляхъ сидишь—да и то еле терпятъ. Очень ужъ много друзей нажилъ—никто добраго слова не скажетъ.

Илимовъ. Опомнись, прошу тебя!

Людмила. Опомнилась я! Оттого-то и говорю такъ, что опомнилась. Дурь-то прошла—все какъ на ладони и стало. Хоть-бы о томъ подумалъ, что ты не одинъ. У тебя жена, ребенокъ... наконецъ—сестра, мать старуха несчастная...

Илимовъ. Не поминай про мать! Не лги!

Людмила. Что я лгу такое? что я лгу?

Илимовъ. Сама знаешь что! У тебя къ ней не только любви или уваженія—у тебя ни капли жалости къ ней нѣтъ... и у тебя, и у всѣхъ васъ. Вы всѣ только сбѣяться способны надъ ней.

Людмила. И посбѣешься иной разъ—не стерпишь.

Илимовъ. Стыдно!

Людмила. Ну, пожалуйста!

Илимовъ. Стыдно, стыдно!

Аболтинъ. Охъ-охъ-охъ! (*Платонида Марковна, чего-то спохватившись, постыжко идетъ на свою половину.*) Куда же вы?

Плат. Мари. Кофей! забыла совсѣтъ. (*Уходитъ. Изъ передней входитъ Варвара Михайловна причесанная и одѣтая.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Мышкина, Аболтинъ, Илимовъ, Людмила, Юлія, Варвара Михайловна.

Варвара Мих. Я рѣшительно не знаю, какъ попасть въ свою комнату.

(*Аболтинъ прыскаетъ отъ смѣха.*)

Юлія. Пойдите, я васъ провожу, мама.

Варвара Мих. Нѣтъ, ужъ я останусь. У васъ тутъ весело, я вижу.

Аболтинъ (*вполголоса*). Страсть весело!

Варвара Мих. (*Людмилъ*). Какая вы сегодня интересная, душа моя! Щечки розовыя, глазки блестятъ... Дайте я васъ поцѣлую, мой ангелъ! (*Тянется къ ней.*)

Людмила (*рѣзко отстраняясь*). Вотъ еще! Очень нужно!

Варвара Мих. Конфузятся! Сеня, погляди—она конфузится! Милая! А я все-таки хочу васъ поцѣловать.

Людмила. Отстаньте! Не до васъ.

Варвара Мих. (*удивленная*). Что это? что это? Я не понимаю...

Людмила. Гдѣ вамъ понять-то, коли Богъ убилъ! Отвяжитесь вы! И безъ васъ тошно-хонько.

Варвара Мих. Извините меня... я никакъ не хотѣла васъ обидѣть... Извините пожалуйста... (*Плачетъ.*)

Мышкина. Ахъ, моя душечка!

Юлія. Это ужасно!

Илимовъ (*схвативъ жену за руку и задыхался*). Прси у нея прощенія!

Людмила (*струсивъ*). Да ты ошалѣлъ!

Илимовъ. Сейчасъ-же проси у нея прощенія!...

Людмила (*вырывается*). Ошалѣлъ! Ей-ей, ошалѣлъ!

Илимовъ (*съ принадлежн изступленія стискиваетъ зубы, сжимаетъ кулаки и топаетъ ногами*). А-а-а...

(*Изъ передней входитъ Байрецовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 12 е.

Мышкина, Аболтинъ, Илимовъ, Людмила, Юлія, Варвара Михайловна и Багрецовъ.

Багрецовъ (сначала останавливается въ недоумѣніи, потомъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, быстро подходитъ къ Илимову). Семень! Семень!

Мышкина. Ахъ, моя душечка, какъ вы кстатѣ пришли! Что тутъ было! что тутъ было!

Юлія. Да, да, да!

Багрецовъ. Кто его разсердилъ? разсердилъ-то кто?

Людмила. Никто его не сердилъ. Самъ взбѣленился Богъ вѣсть изъ-за чего.

Илимовъ (держась за сердце и съ трудомъ переводя дыханіе). Не лги... не лги...

Багрецовъ. Эхъ, народъ! поберечь не могутъ. Больного человѣка поберечь не могутъ. Уйдите вы всѣ! уйдите!

Аболтинъ (вполголоса). Еще командиръ явился.

Багрецовъ. Ну, что такое! ну, командиръ! Иной разъ и безъ команды не обойдешься. Напутаютъ люди, бродятъ какъ во тѣхъ—надо-же разобраться кому-нибудь. Не обойдешься безъ команды. Уйдите, говорю!

Илимовъ. Пусть она... прощенія сначала попросить.

Багрецовъ. И прощенія попросить. Уйдутъ и попросить.

Илимовъ. Не у меня, а у матери... у моей матери...

Багрецовъ. И ее стало быть обидѣли? Божью старушку обидѣли? Диковинное дѣло! Что-жъ, Людмила Ефиновна? надо бы уважить, а? (Беретъ ее за руки.) Уважьте! Человѣкъ-то жалкій, всякій ее обидѣть можетъ. Жалкій человѣкъ. Уважьте, барыня хорошая!

Людмила (смячась). Да я что-жъ... я ничего...

Багрецовъ. То-то, что ничего. А ей дорого. Ишь смотреть-то какъ! Вся душа тутъ. Вся душа. Дорого ей.

Людмила (подойдя къ Варварѣ Михайловнѣ, сквозь зубы). Простите меня, ежели я васъ чѣмъ обидѣла. (Хочетъ поцѣловать.) Варвара Мих. Развѣ ужъ спать пора? Ну, спокойной ночи, мой ангелъ. (Цѣлуетъ Людмилу. Аболтинъ опять прыскаетъ отъ смѣха, Людмила за нимъ.)

Илимовъ (волнуется). Ну, вотъ... ну, вотъ...

Багрецовъ. Ничего, ничего. Успокойся. Ничего. А теперь уйдите. Всѣ уйдите.

Аболтинъ. Комедія! (Мышкиной.) У насъ разговоръ еще не конченъ. Мы еще поговоримъ.

Мышкина. Напрасно, моя душечка...

Багрецовъ (вытравживая Мышкину,

Юлію и Варвару Михайловну въ одну сторону, Аболтина въ другую). Поговоримъ, поговоримъ. Всѣ поговоримъ. Не теперь только. Поговоримъ.

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Илимовъ, Людмила и Багрецовъ.

Багрецовъ (Людмилѣ). Ну, поглядите вы на него! На что похожъ! Поглядите! Хорошо развѣ?

Людмила (совсѣмъ притихнувъ). Я рѣшительно ничего такого...

Багрецовъ. Вѣрю, что ничего такого. Вѣрю. Такъ и приласкайте его. Я вотъ тоже уйду—а вы приласкайте. Сердце-то у него и отойдетъ. И отойдетъ сердце. Приласкайте. (Илимову.) Попрдержжи нервы-то! попрдержжи! (Уходитъ на половину Аболтиныхъ.)

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

Илимовъ и Людмила.

(Молчаніе.)

Людмила (медленно, какъ бы не по своей охотѣ, подходитъ къ мужу). Ну, полно дуться-то! (Обнимаетъ его.) Успокойся... Ну! (Заглядываетъ ему въ глаза.)

Илимовъ. Ахъ, Людмила, Людмила! зачѣмъ это все?

Людмила. Ну, да ладво ужъ! Кто старое помянетъ... Миръ! (Присаживается къ нему на кресло.)

Илимовъ (цѣлуя ея руку). Ты меня прости. Я, можетъ быть, и лишнее что сказалъ. Въ такія минуты—ты знаешь—я себя не помню.

Людмила. И ты меня прости. Я тоже погорячилась. И на тѣхъ не сердись.

Илимовъ. На кого?

Людмила. На мамашу и на брата.

Илимовъ. Богъ съ ними.

Людмила. Они добрые и любятъ тебя. И я тебя люблю. (Ласкается.) Хоть ты и не вѣришь этому...

Илимовъ. Любишь?

Людмила. Люблю. Не вѣришь?

Илимовъ (со вздохомъ). Вѣрю.

Людмила (цѣлуетъ его). Не смѣй не вѣрять! А зачѣмъ вздохнулъ?

Илимовъ. Въ который ужъ это разъ мы съ тобой ссоримся и миримся, Людмила? Я не упрекать тебя хочу, нѣтъ: понирлился—и кончено. А просто поговорить—пе сердясь, не волнуясь. Можетъ-быть и договоримся до чего-нибудь. Вѣдь намъ цѣлый вѣкъ вѣстѣ жить—нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ... Отчего это у насъ постоянно случается? Не понимаешь мы другъ друга, что-ли?

Людмила (видимо скучая). Ужъ не знаю, право. Я кажется, стараюсь всѣми силами...

Характеръ у тебя, Сеня... прямо—надо сказать—тяжелый характеръ. Каждый пустякъ тебя раздражаетъ. Я понимаю, что это отъ болѣзни, а все-таки... иной разъ и не удержишься, сама вспылешь.

Илимовъ. Нѣтъ, Людмила, не то. Совсѣмъ не то. Дѣйствительно, я легко раздражаюсь... но вѣдь не такъ-же, чтобъ ни съ того, ни съ сего,—всегда что-нибудь есть. Ты вотъ говоришь: каждый пустякъ. Да изъ чего же вся жизнь наша складывается, какъ не изъ пустяковъ? Отъ пустяковъ мы бываемъ счастливы, отъ пустяковъ мы и страдаемъ. Что такое семейныя драмы? кто ихъ знаетъ? кто ихъ видитъ? Жена отравилась, мужъ убилъ жену и любовника—ну и кричатъ: драма! драма! А драмы-то ужъ нѣтъ, драма кончена... можетъ быть ее даже и вовсе не было. Настоящія семейныя драмы втихомолку разыгрываются, изо дня въ день—медленно, по каплямъ: постороннему человѣку и невдомекъ. Эти-то вотъ драмы и разрушаютъ семью. Ихъ-то лучше всего и надо бояться, и надо устранять. И это очень легко; быть какъ можно внимательнѣе другъ къ другу, не пренебрегать никакими мелочами или пустяками, какъ ты говоришь,—и все. Больше ничего. Трудно это развѣ?

Людмила (*скрывая зѣвокъ*). Трудно, Сеня. Все только и думать—какъ сказать, какъ взглянуть...

Илимовъ. Да, не думать! Думать не возможно—тутъ и ошибаться постоянно станешь. А чувствовать! понимаешь? чувствовать! чтобы это само собой выходило—естественно, безъ налѣйшаго принужденія: такъ же вотъ, какъ ты ходишь, ѣшь, пьешь...

Людмила. Ну, это мудрено что-то.

Илимовъ. Нѣтъ, не мудрено, Людмила. Совсѣмъ не мудрено. Ну, да что объ этомъ толковать! Будетъ такъ—хорошо, а не будетъ...

Людмила (*приникая къ нему*). Будетъ, будетъ! Я ужъ постараюсь. Я вѣдь сказала, что люблю тебя,—чего-жъ тебѣ еще! Поцѣлуй меня хорошенько... вотъ такъ... (*Съ ирисовой улыбкой что-то шепчетъ ему на ухо, потомъ промокъ*.) Да?

Илимовъ (*тоже улыбался*). Да.

Людмила (*окрадкой*). А что я хотѣла сказать тебѣ...

Илимовъ. Что?

Людмила. Нѣтъ, не скажу.

Илимовъ. Говори ужъ.

Людмила. Сказать?.. Нѣтъ, нѣтъ!

Илимовъ. Какъ угодно.

Людмила. Или ужъ сказать? Скажу, такъ и быть. Была я вчера у Фанни, показываешь она мнѣ обновку—шапочку мѣховую. Какъ пришлась я! Фанни даже ахнула и руками всплеснула: до чего, говорить, къ тебѣ идетъ! (*Стыдливымъ шепотомъ*.) А стоитъ она пять съ половиной...

Илимовъ. Ну, и купи.

Людмила (*съ восторгомъ*). Что?

Илимовъ. Купи.

Людмила. Да нѣтъ, ты шутишь?

Илимовъ. Не шучу.

Людмила. Сенюричъ! милурчикъ! Муженекъ мой возлюбленный! Сокровище неоцѣненное! (*Душитъ его объятіями и поцѣлуями*. Дверь съ половины Аболтинаго острожно пріотворяется и въ ней показывается Багрецовъ: увидавъ эту сцену, онъ услокоительно машетъ руками и на чепочкахъ прокрадывается на половину Илимовыхъ.)

Т Р Е Т Ъ Я К А Р Т И Н А.

Фанни, пріятельница Людмилы. (Только о томъ и думаетъ, чтобы всѣхъ очаровать, и потону догадается нестерпимо.)

Вася, ея братъ. (Мальчикъ десяти лѣтъ, корчитъ большого).

Уточкинъ. } пріятеля Аболтина. (Кавалеры дурного тона: первый выѣзжаетъ на игрѣ Пѣвницкій. } восты, второй—на чувствительноты).

Гости обоего пола и разныхъ возрастовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ той же квартирѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Спальня, превращенная для вечеринки въ закусочную. Три двери: одна на право, ближе къ задней стѣнѣ, и дверь на лѣво—въ настѣжъ. На право раскрытый, застланный скатертью, ломберный столъ и рядомъ съ нимъ комодъ; на столѣ закуска, на комодѣ—водка и прочіе напитки, а также зажженная лампа. На лѣво—диванъ. Въ глубинѣ, правѣе, кровать за плетеными ширмами; лѣвѣе—большой сундукъ, на которомъ сложено прикрытое одеяломъ домашнее платье. Нѣсколько простыхъ стульевъ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Уточкинъ, Фанни, Аболтинъ, Вася, Пѣвницкій, Юлія, Багрецовъ, Людмила и другія танцующія пары.

(Въ комнату на право играютъ на разбитомъ фортепiano шестую фигуру кадрили. Уточкинъ и прочіе появляются оттуда цѣпью въ указанномъ порядкѣ, залопируя, проходяща въ первую дверь на лѣво и черезъ минуту возвращаются во вторую дверь.)

Уточкинъ (красный, осипшій и затыхавшійся). Гранпронъ!.. Адруа!.. Агошъ!.. Шенъ!.. Не туда! не туда!.. Эхъ, опять спутали!.. Гранпронъ!.. Дамдеронъ... тифу! рондедажъ!.. Рондекавалье!.. кругомъ! кругомъ!

Аболтинъ. Гришка! дьяволъ! гдѣ ты это насобачился, скажи на милость?

Уточкинъ. Ледамъ задруа!.. Лекавалье загошъ!... Аводамъ!... Баянсе!... Лекавалье загну!

Аболтинъ. Это что жъ такое? (Увидавъ, что дѣлаютъ другіе.) А-а-а! Придумаетъ же, анафена! (Крестя становится на колѣни.)

Уточкинъ. Мерси во дамъ!.. Стой, стой! не вставай! Везе ле менъ!

Аболтинъ. Везе—это мы повинаемъ. (Вася.) Только ты, братъ, отъ меня этой чести не дождешься.

Вася. Не велика и честь-то.

Аболтинъ (замахиваясь). Ахъ, ты, пострѣленокъ!

(Вася отбѣгаетъ).

Пѣвницкій (Юлія, которая вырвала у нею руку, не давъ поцѣловать). Что-же такъ-съ? За что я лишень?

Юлія (взволнованная и смущенная). Мерси... не надо...

(Уточкинъ хлопаетъ въ ладоши; музыка умолкаетъ. Аболтинъ съ хлопотливѣмъ видомъ уходитъ на право).

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Уточкинъ, Фанни, Вася, Пѣвницкій, Юлія, Багрецовъ и Людмила.

Людмила (Багрецову, явно заигрывая съ нимъ). А вы и ручки цѣловать умѣете?

Багрецовъ. Поцѣлуешь, коли нужно. По командѣ.

Людмила. По командѣ! Медвѣдъ. А ужъ какъ нѣтъ васъ разшевелить хочется!

Багрецовъ. Мудрено нѣна разшевелить. Мудрено.

Людмила. Ой-ли? Попробовать развѣ?

Багрецовъ. Пробуйте. Кто вамъ нѣшаетъ. Пробуйте. Ничего только изъ этой пробы не выйдетъ. Ничего.

Людмила. Давайте обзакладъ биться, что выйдеть!

Багрецовъ. Не выйдеть. Проиграете. Не выйдеть.

Людмила. Проиграю, не ваша забота. Давайте!

Багрецовъ. Нѣтъ, зачѣмъ же! Незачѣмъ. (Съ любопытствомъ и не безъ тревоги вглядывается въ нее.) Стравная вы нынче.

Людмила. А правлюсь я вамъ такая?

Багрецовъ. Ну, вотъ еще! Что такое!

Людмила. Правлюсь?

Багрецовъ. Что я вамъ? Не мужъ вѣдь. Не мужъ я вамъ.

Людмила. Потому-то я и спрашиваю, что не мужъ. Мужу нравиться какой антиресь?

(Аболтинъ также хлопотливо проходитъ черезъ комнату справа на лѣво).

Багрецовъ (грозя Людмилѣ пальцемъ). Ва-ры-ня! ой!

Людмила (мужаво). Что такое?

Багрецовъ. Ой! ой!

Людмила. Глупости.

Багрецовъ. Нѣтъ, не глупости. Не глупости, нѣтъ.

Людмила. Глупости! глупости! глупости!.. Фанни! правда, глупости?

Фанни (разговаривая съ Уточкинѣмъ). Конечно! Все на свѣтѣ пустяки! Ха, ха, ха!

Людмила. Такъ, такъ. Унищца.

Фанни. Какая ты душка сегодня, Людмила! Я въ тебя влюблена. (Страстно цѣлуетъ ее.)

Уточкинъ. У-у-у! Со мной даже аффектъ приключился. Хоть бы меня также!

Фанни. Ха, ха, ха! Заслужите.

Уточкинъ. Аveckъ гранплезиръ! Чѣмъ прикажете? (Утираетъ платкомъ лобъ.)

Фанни. Вы плачете? Вы страдаете?

Уточкинъ. Вспотѣлъ.

Фанни. О, какая проза! Ха, ха, ха!

Людмила. Коль выражансь!

(Аболтинъ возвращается. Съ разныхъ сторонъ входятъ: Платонида Марковна, Мышкина и остальные гости; поетъ всѣхъ Илимовъ).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Уточкинъ, Фанни, Вася, Пѣвницкій, Юлія, Багрецовъ, Людмила, Аболтинъ, Платонида Марковна, Мышкина, Илимовъ, гости.

Аболтинъ. Выпить! выпить! Господа, къ столу! Наливай, Гриша!

(Несмолкаемый говоръ).

Уточкинъ. Тутсюнть. (Наливаетъ.)

Фанни. А дамъ ве приглашаете? Ха, ха, ха!

Аболтинъ. И дамъ, и дѣвиць—всѣхъ.

Уточкинъ. Какъ можно безъ дамъ пить! Безъ дамъ одна меланхолия. Готово!

Аболтинъ. Господа! прошу... Мамаша, угощайте дамъ и дѣвиць. Дѣйствуй, Гриша!

Уточкинъ. Пожалуйте! пожалуйста! Семенъ Петровичъ! Господинъ Багрецовъ!

Багрецовъ. Выпить можно. Отчего не выпить!

Илимовъ. А меня увольте. Я и то ужъ выпилъ больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Уточкинъ. Нельзя, Семенъ Петровичъ. Понимайте, такой инцидентъ! Именинника обидите.

Багрецовъ. Выпей! ничего. Водка успокаиваетъ.

Уточкинъ. Естественно успокаиваетъ. Господинъ Багрецовъ,—докторъ, они ужъ знаютъ.

Багрецовъ. Какой я докторъ! Далеко до доктора!

Уточкинъ. Все-жъ таки... Э, Платонида Марковна! что-жъ это у васъ, дефицитъ какъ будто?

Плат. Мари. Да не хотять, упрямятся. Я ужъ прошу, прошу...

Уточкинъ. Медамъ! сетемпосибль! Фанни Антоновна, вотъ ваша рюмка.

Фанни. Вы меня напоить хотите? Ха-ха-ха! У меня и такъ ужъ Морфей въ глазахъ мелькаетъ.

Уточкинъ. Зачѣмъ напоить, понимайте! Мы тоже свою функцію понимаемъ. Глафира Осиповна! Юлія Петровна!

Мышкина. Что вы, что вы, моя душечка! Я вотъ эдакой капли не ногу.

Юлія. Я тоже не пью... благодарю васъ.

Уточкинъ. Ну, вотъ и разстройство у насъ! никакого аккорда... Э-бьенъ, медамъ земесе!

(Поднимаетъ рюмку.) За здоровье именинника, ура-а-а!

(Троекратное ура. Въ, за исключеніемъ Юліи, Мышкиной и Васи, чокаются съ Аболтинимъ, пьютъ и закусываютъ).

Аболтинъ (замыкаетъ Васю, который все время терся между пьющими). А мальчишкунто и забыли! Пьешь водку?

Вася Пью.

Аболтинъ. Молодецъ! (Намиваетъ.)

Фанни. Ахъ, не давайте ему!

Илимовъ. Не надо! не надо!

Аболтинъ. Ничего! пусть привыкаетъ. Луца!

Илимовъ. Не надо же, говорю я! (Взрываетъ у Васи рюмку и ставитъ ее на коммодъ. Вася плачетъ.)

Фанни (передразнивая его). У-у-у...

Вася. Пошла вонъ!

Уточкинъ. Теперь бы для фантази поличку.

Людмила. Отлично, давайте польку!

(Фанни напѣваетъ польку, покачивая въ тактъ головой и станомъ).

Уточкинъ (въ дверь направо). Будьте столь великодушны, поличку намъ, пофорсистѣе.

(Играютъ польку. Уточкинъ приглашаетъ Людмилу, Пивницкій—Юлію, Аболтинъ—Фанни, и съ три пары, танцуютъ, уходятъ направо. Прочіе разбредаются въ разныя стороны, остаются только Платонида Марковна и Мышкина).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Платонида Марковна, Мышкина.

(Платонида Марковна возстановляетъ порядокъ на столѣ и на коммодѣ: закикаетъ пробками бутылки, уравниваетъ разрытую закуску и т. п.).

Мышкина. Кто этотъ молодой человекъ, моя душечка, что съ Юлинькой танцуетъ?

Плат. Мари. Который? (Заглядываетъ въ дверь.) Ахъ! Это... Какъ бышь его... Пивницкій.

Мышкина. Тоже изъ управленія?

Плат. Мари. (возвращаясь къ своему занятію). Изъ управленія.

Мышкина. Кажется, приличный молодой человекъ, моя душечка?

Плат. Мари. Очень даже приличный. Въ-ливыи такой, скройный. Ухаживаетъ!

Мышкина. За кѣмъ ухаживаетъ, моя душечка?

Плат. Мари. За Юліей Петровной. Цѣлый вечеръ отъ нея не отходить. (Садится.) Далъ бы Господь! И ей партія хорошая, и брату облегченію.

Мышкина. Она, моя душечка, безъ любви заужь не выйдетъ

Плат. Мари. Ну, Глафира Осиповна, не пронасъ это кушанье любовь-то. Подвернулся нутный человекъ такъ и лови его. А ужъ кака тутъ любовь, коли, можно сказать, жевать нечего.

Мышкина. Юлинька, слава Богу, не голодаетъ, моя душечка.

Плат. Мари. Не голодаетъ, пока братъ живъ. А, храни Богъ, съ Семенъ Петровичемъ что приключится, куда она дѣнется?

Мышкина. Вы опять за старое, моя душечка. Смотрите, поссорился!

Плат. Мари. Поссорился и помирися, не въ первой. Да я и не стану ссориться, не такой день нынче. Такъ, къ слову сказалося. Людмила вѣдь инѣ дочь, Глафира Осиповна, она инѣ и ближе, чѣмъ кто другой.

(Входитъ Аболтинъ).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Платонида Марковна, Мышкина, Аболтинъ.

Аболтинъ. Мамаша! пора бы на счетъ ужина. Одинадцатый часъ.

Плат. Мари. (вскакиваетъ). Да что ты! Вотъ не думала. Скорѣй надо. Бѣда хозяйничать, коли никакой тебѣ помощи нѣтъ! (Уходитъ налево.)

(Входитъ Аболтинъ).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Мышкина, Аболтинъ.

Мышкина. Устали, моя душечка?

Аболтинъ. Усталъ. Съ утра вѣдь толкусь. Цѣлъ сколько.

Мышкира. Отдохните, моя душечка.

Аболтинъ. Отдыхать-то некогда. *(Все таки стѣл.)* Не схватись вотъ я, безъ ужьна бы остались, пожалуй.

Мышкина. Но остались бы, моя душечка. Платонида Марковна вспомнила бы, она ужъ такая хозяйка! А если-бъ и остались даже, не бѣда. И безъ того всѣ сыты.

Аболтинъ. Нельзя. Не порядокъ. Позवालъ, такъ и угости, какъ надо. Завтра хотъ зубы на полку, никому дѣла нѣтъ.

Мышкина. Почему же, моя душечка, зубы на полку?

Аболтинъ. Потому. Вы думаете, нынѣшній день дешево мнѣ обошелся? Три, четыре красненькихъ вѣрныхъ ужъ кладите... А я и половины въ мѣсяцъ не получаю, за вычетами всякни.

Мышкина. За какіи вычетами, моя душечка? Аболтинъ. На уплату долговъ.

Мышкина. Ахъ, моя душечка! Зачѣмъ же вы это?

Аболтинъ. Зачѣмъ? Приходится. На одно жалованье развѣ проживешь?

Мышкина. Ай, ай, ай, моя душечка, какъ мнѣ васъ жалко!

Аболтинъ. Будто?

Мышкина. Еще бы! Долги это не дай Богъ. Хуже всего. Мнѣ васъ очень жалко, моя душечка.

Аболтинъ. И на тожъ спасибо. Только жалость эта ни къ чему. Мнѣ помощь нужна.

Мышкина. Какая помощь, моя душечка?

Аболтинъ. А вотъ какая. Долженъ я, будете такъ говорить... *(Считаетъ скороговоркой, какъ бы про себя.)* Пятьдесятъ да пятьдесятъ—сто, да двадцать пять—сто двадцать пять, да сорокъ—сто шестьдесятъ пять, да пятнадцать—сто восемьдесятъ, да шестьдесятъ четыре—двѣсти... двѣсти сорокъ четыре... да еще рублей тридцать, да по мелочаямъ... *(Громко.)* Три сотни ужъ надо считать. Вотъ я и оборачиваюсь: тамъ займу,—здѣсь отдамъ, здѣсь займу,—тамъ отдамъ, да все съ процентами... какъ тутъ выпутаться? А нашлась бы добрая душа, дала бы мнѣ эти три сотни, какъ другу—не то что безъ процентовъ, я не говорю, а по божески, не такъ, какъ эти благодѣтели наши... Расплатился бы я вездѣ, былъ бы долженъ въ одни руки, да и отдавалъ бы потихоньку, незаметно: черезъ годъ, другой, глядишь, и чистъ. Да гдѣ найти! нѣтъ теперь такихъ. И остается одно—пить! *(Встаетъ и выпиваетъ большую рюмку водки.)*

Мышкина. Зачѣмъ же пить, моя душечка? Это вредно.

Аболтинъ. И слава Богу, что вредно. Скорѣй конецъ.

Мышкина. Не хорошо отчаяваться, моя душечка.

Аболтинъ. Какъ мнѣ не отчаяваться, Гла-

фира Осиповна! Какъ мнѣ не отчаяваться, когда... Э, да что! Вотъ вы пожалѣли меня... Вы думаете, я не цѣню этого? Еще какъ цѣню-то! Иной дѣйствительно пожалѣеть, такъ мнѣ плевать на его жалость: ты не жалѣй, а помоги! А коли я вижу, что и рады бы помочь, да нечѣмъ, сами нуждаются, какъ же я могу не цѣнить? Да что я, истуканъ развѣ, бревно безчувственное?... Позвольте мнѣ ручку поцѣловать, вотъ какъ я цѣню! *(Цѣлуетъ у нея руку.)*

Мышкина *(растроганная и смущенная)*. За что же, моя душечка? за что-же?

Аболтинъ. За доброту вашу... за то, что пожалѣли меня, безпутнаго. Я вѣдь знаю, будь у васъ деньги, вы безъ разговору: возьми, Кузьна, заткни всѣ глотки и будь спокоенъ! Знаю я это и больше мнѣ ничего не надо. Такъ вѣдь, Глафира Осиповна?

Мышкина. Что это, моя душечка? О чѣмъ вы?

Аболтинъ. Я говорю: будь у васъ триста рублей, вы бы, жалѣючи меня, сами дали.. подъ росписку, понятно, и ва проценты божескіе... сейчасъ бы дали. Да нѣтъ ихъ, трехсотъ то рублей! Сердце-то у васъ доброе, жалости ко мнѣ много, а денегъ-то и нѣтъ. Ну, что-жъ! на нѣтъ и суда нѣтъ... Эхъ! пропадай моя тѣла! *(Снова бросается къ водкѣ.)*

Мышкина *(срывается съ мѣста и схватываетъ его за руку)*. Не пейте, моя душечка! ради Бога, не пейте!

Аболтинъ. Дайте забыться! Мнѣ вонъ послѣ завтра пятьдесятъ рублей платить надо, хотъ лопни. А тамъ еще.. а тамъ еще... *(Вырывается.)* Пустите! Все равно, одна дорога! *(Пьетъ.)*

Мышкина *(съ сильнымъ волненіемъ, съ визгомъ)*. Не могу видѣть! не могу видѣть!

Аболтинъ *(мрачно)*. Аль ужъ порѣшить съ собой?

Мышкина. Душечка моя!

Аболтинъ. Порѣшу!

Мышкина. Душечка моя! Погодите! Можетъ быть... какъ-нибудь...

Аболтинъ. Ника-акъ! Порѣшу!

Мышкина. Нѣтъ, нѣтъ, моя душечка! Вотъ что... я навѣрно не могу сказать... я должна справиться... Придите ко мнѣ завтра пораньше...

Аболтинъ *(какъ бы не понимая)*. Зачѣмъ?

Мышкина. Я погляжу, моя душечка... можетъ быть у меня найдется...

Аболтинъ. Пистолетъ?

Мышкина. Что вы, что вы, моя душечка! какой пистолетъ! Стану я держать у себя... Деньги, моя душечка.

Аболтинъ. Де-еньгъ?!

Мышкина. Ну, да. Вы сказали: триста рублей, моя душечка?

Аболтинъ. Глафира Осиповна, катушка! благодѣтельница! Ты хочешь... *(Падаетъ на колѣни.)* Родная моя! да я тебя... да я тебѣ...

Мышкина (*съ испугъ*). Встаньте, моя душечка! встаньте! Взойдетъ кто-нибудь... я не хочу, чтобъ знала...

Аболтинъ. Ни единая душа! (*Колотитъ себя въ грудь*.) Уйретъ!

Мышкина. Да, да. Завтра пораньше, моя душечка. Я погляжу.

Аболтинъ (*ползая на коленяхъ*). Ручку! ручку!

Мышкина. Не надо, не надо, моя душечка! не надо! (*Постынно уходитъ намъво*.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Аболтинъ (*одинъ*).

Аболтинъ (*встаетъ и отдувается*). Уфъ!.. Даже въ потъ шибануло — и хвѣль, кажись, вылетѣлъ... Своротилъ-таки тунбу, а подъ тунбой кладъ оказался. Теперь только не плошай! (*Уходитъ намъво. Изъ другой двери оттуда же входитъ Илимовъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Илимовъ (*одинъ*).

Илимовъ. Приткнуться негдѣ — вездѣ эта оргія. Голова какъ свинцомъ налита, сердце вотъ вотъ лопнетъ... Зачѣмъ я пилъ?... Скрыться бы куда-нибудь... Уйти? Обидятся, надутся, житья nebudeтъ. Прилечь бы. (*Направляется къ кровати*.) Вотъ здѣсь, хоть на полчаса. Никто не увидитъ... Прилягу. (*Заходитъ за ширмы. Справо вбѣгаетъ Фанни, преследуемая Уточкиннжъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Илимовъ (*за ширмами*), Фанни, Уточкиннъ.

Фанни. Ха-ха-ха! Не смѣйте! не смѣйте!

Уточкиннъ. Ну, ужъ нѣтъ-съ! атанде-съ! (*Загоняетъ ее въ уголъ, обнимаетъ и цѣлуетъ*.) Вотъ намъ! ульгинатунъ!

Фанни (*вырвавшись и оправляясь*). Свинство какое! Ха ха-ха!.. Фу, какъ пить хочется! Дайте пива.

Уточкиннъ (*наливаетъ два стакана, изъ которыхъ одинъ подаетъ ей*). А ля вотрѣ! (*Чокается и залпомъ осушаетъ стаканъ. Фанни пьетъ жадными глотками, остатокъ выплескиваетъ Уточкину въ лицо и съ хохотомъ убѣгаетъ намъво, тотъ за ней. Справа входитъ Юлія и Пѣвницій*.)

ЯВЛЕНИЕ 10.

Илимовъ (*за ширмами*), Юлія, Пѣвницій. (*Оба взволнованы и смущены*.)

Юлія. Сердцу приказывать нельзя.

Пѣвницій. Да-съ... это вѣрно-съ... Но можетъ-быть оно и безъ приказанія, само по-себѣ...

Юлія. Я еще такъ мало знаю васъ.

Пѣвницій. Узнать человека не трудно-съ...

Юлія. Вы какое мѣсто теперь занимаете?

Пѣвницій. Я-съ... Конечно, мѣсто у меня теперь маленькое... я еще недавно служу-съ... Только у насъ вакансія часто открываются и кто на хорошесть счету у начальства...

Юлія. А жалованья сколько вы получаете?

Пѣвницій. Жалованье тоже пока небольшое-съ... (*Чуть слышно, какъ бы поперхнувшись*.) Двадцать пять рублей, собственно...

Юлія. Сколько?

Пѣвницій (*громче*). Двадцать пять... (*Постынно*.) Я у маненьки живу на всегъ готовъ...

Юлія (*сразу мѣняя тонъ*). Какъ здѣсь душно! И накурено... (*Идетъ намъво*.)

Пѣвницій (*устремляясь за нею*). Юлія Петровна... что же-съ... (*На вступчу входитъ Аболтинъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Илимовъ (*за ширмами*), Пѣвницій, Аболтинъ.

Аболтинъ (*дѣлая видъ, что хочетъ схватить Юлію*). Перепе-с-лочка! (*Юлія, извернувшись, уходитъ*.) Фррр... (*Пѣвниціюму*.) Что, Иванушка, не веселъ?

Пѣвницій. Ахъ, Кузьма!

Аболтинъ. Ну?

Пѣвницій. Влюбленъ!

Аболтинъ. Плю-юнъ! Выпьешь.

Пѣвницій. Нѣтъ, не могу.

Аболтинъ. Какъ хочешь. (*Уходитъ направо. Пѣвницій, убедившись, что онъ одинъ, выпиваетъ водки и, торопливо закусывая, уходитъ намъво. Музыка умоляетъ. Черезъ нѣкоторое время справа входятъ Людмила и Багрецовъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Илимовъ (*за ширмами*), Людмила, Багрецовъ.

Людмила. Ну, вотъ здѣсь никого нѣтъ. Сядете.

Багрецовъ. Сядете, пожалуй. Можно и сѣсть. (*Садятся на диванъ. Людмила во время поспѣвающей сцены безпрестанно оглядывается на двери, какъ въ первой картинѣ*.)

Людмила. Давайте-ка выпьемъ чего-нибудь. Чего только?

Багрецовъ. Да я ужъ водочки. Одного держаться надо. Мѣнять не годится. Водочки выпью. (*Хочетъ встать*.)

Людмила. Сидите, сидите, я подамъ. (*Идетъ къ комоду и наливаетъ рюмку водки*.) Закусить чѣмъ?

Багрецовъ. Все равно. Колбаски, что ли. Либо другого чего. Все равно.

Людмила. Ну, вотъ вамъ колбаски. А я на-

ливки. *(Возвращается на мѣсто съ двумя рюмками и закуской.)* Выпьемте—какъ это называется? чтобы «ты» говорить! Бур... бур...

Багрецовъ. Брудершафтъ. Брудершафтъ называется.

Людмила. Вотъ, вотъ! Выпьемте!

Багрецовъ. Нѣтъ, ужъ зачѣмъ же! Будемте здравы да и все и тутъ. Зачѣмъ брудершафтъ! *(Чокается.)*

Людмила. Не хотите?

Багрецовъ. Незачѣмъ. *(Пьетъ.)*

Людмила. Такъ, я и пить не стану.

Багрецовъ *(прожевывая закуску)*. Ваша воля. Какъ угодно. Ваша воля.

Людмила. Нѣтъ, впрочемъ, выпью *(пьетъ)*.

Багрецовъ. А гдѣ-то нашъ Сеня?

Людмила. Гдѣ вибудъ. Не пропадетъ, не маленькій. Хотите, я васъ поцѣлую?

Багрецовъ. Чего еще! Вона! Чего не выдумаете!

Людмила. Неужто и этого не хотите?

Багрецовъ. Да съ чего вамъ цѣловать-то меня? Цѣловать-то съ чего?

Людмила. Такъ. Нравитесь вы мнѣ.

Багрецовъ *(приподнимаясь)*. Уйти отъ васъ. Уйти.

Людмила *(удерживая его)*. Сидите, сидите! Не буду.

Багрецовъ *(безпокойно)*. Что это, какая вы нынче!

Людмила *(долго смотритъ на него, потомъ вдругъ цѣлуетъ)*. Не ожидали? *(Смѣется.)*

Багрецовъ *(строю)*. Пойдемте! Пойдемте отсюда! Пойдемте!

Людмила *(склонясь къ нему на плечо)*. Не пушу.

Багрецовъ *(теряя самообладаніе)*. Людмила Ефимовна! Не хорошо вѣдь. Не хорошо.

Людмила. Скажите: Люся!

Багрецовъ. Ахъ, ты, Господи! Ахъ, ты, Боже мой!

Людмила *(играя ею волосами)*. Какіе у васъ волосы славные!

Багрецовъ. Волосы, какъ волосы. Обыкновенные волосы.

Людмила. У мужа не такіе. Я люблю густые волосы.

Багрецовъ. Людмила Ефимовна!

Людмила *(невинно)*. Что?

Багрецовъ. Невозможно вѣдь это! Рѣшительно невозможно.

Людмила. Что такое?

Багрецовъ. Что такое! Не дубина я! Живая тварь. Не дубина.

Людмила. Ссс... слушайте!

Багрецовъ. Что еще!

Людмила. Слышите, какъ сердце у меня бьется?

Багрецовъ *(зриво)*. Нѣтъ, не слышу. Въ головѣ вотъ у меня стучить, это я знаю. А сердца вашего не слышу.

Людмила. Такъ дайте руку!... Дайте же! Багрецовъ *(вскакиваетъ, внѣ себя)*. Оставьте-те! Убирайтесь! Оставьте, говорю!

Людмила *(встаетъ передъ нимъ и кладетъ ему руки на плечи)*. Куда убираться? Зачѣмъ?

Багрецовъ. Куда хотите—отъ меня только! Куда хотите!

Людмила. Никуда я не хочу.

Багрецовъ. Къ нужу, вотъ куда! Къ нужу! Тамъ ваше мѣсто!

Людмила *(прикикая къ нему, страстнымъ шопотомъ)*. Гонимъ?... Яша!...

Багрецовъ. Что-жъ это! Силъ нѣтъ... никакихъ силъ нѣтъ...

Людмила. Яша...

Багрецовъ. Ну, Яша... ну... И у Яши не вода въ жилахъ... кровь тоже, не вода... Чего глядишь? Русалка ты, что-ли? Сибѣтся!... вишь, сибѣтся!... У-у-у! *(Неистово сжимаетъ ее въ объятіяхъ.)* Ну, вотъ тебѣ! Добилась своего? Добилась? *(Илимовъ выходитъ изъ-за ширмы мертвенно блѣдный и едва стояцій на ногахъ.)*

Людмила *(мгъ)*. Добилась... Поцѣлуй меня, Яша... *(Илимовъ схватывается за ширму и роняетъ изъ. Людмила слабо вскрикиваетъ и замираетъ въ испугъ.)*

Багрецовъ *(оттолкнувъ Людмилу со злобой)*. Ну вотъ!... Ну и что-жъ теперь?... Чортъ знаетъ... гадость какая! *(Уходитъ въ сильномъ волненіи.)*

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Илимовъ и Людмила.

(Людмила, робко и покорно прижавшись къ стѣнѣ, не спускаетъ глазъ съ мужа. Тотъ, шатаясь, направляется къ комоду, дрожащей рукой, расплескивая вино, наливаетъ до верху большой стаканъ и медленно опорожняетъ его. Людмила нерешительно, шагъ за шагомъ, приближается къ нему и осторожно до него дотрагивается. Онъ, не оборачиваясь, отстраняетъ ея руку.)

Людмила. Сеня!... *(Молчаніе)*. Сеня!

Илимовъ *(сдавленнымъ голосомъ)*. Поди прочь!

Людмила. Ты не подумай, Сеня... Я вѣдь шутила. Сеня! Милый! *(Снова дотрагивается до него.)*

Илимовъ. Поди прочь!! *(Толкаетъ ее. Она невольно падаетъ на колыни и, защищая лицо руками, со страхомъ глядитъ на мужа. Тотъ продолжаетъ стоять къ ней спиной, потомъ оборачивается и протягиваетъ руку.)* Прости меня... если можешь... *(Страхъ Людмилы смѣняется недоверчивымъ изумленіемъ.)* Прости меня, Людмила...

Людмила *(встаетъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства)*. Не все простить можно.

Илимовъ *(пораженный)*. Что?!

Людмила Я прощаю тебя только потому, что ты пьянъ.

Илимовъ (*приближаясь къ ней*). Только потому?... Только потому?... (*Нервно хохочетъ.*)

Людмила (*опять въ страхъ*). Сень! Что съ тобой?

Илимовъ (*хохочетъ все сильнее*). Она меня прощаетъ только потому, что я пьянъ. О,

Боже мой!... Что-жь, мнѣ благодарить тебя? Благодарить?... Нѣтъ, я подожду еще... я еще подумаю... (*Схватывается за голову и, будучи уже не въ силахъ удержаться отъ хохота, уходитъ. Людмила провожаетъ его испуганно-растеряннаго взлядомъ. Вдали весело хорювая пѣсня.*)

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Управляющій. (Сухая, безкровная фигура съ непроницаемой физиономіей. Безъ рѣчей.)
Шленнъ—начальникъ отдѣленія. (Также розовъ лицомъ, но видомъ значительно солиднѣе, носитъ окладистую бородку, которую тщательно подстригаетъ.)

Илимовъ } бухгалтеры у Шленка. (Илимовъ замѣтно осунулся и постѣдѣлъ; въ движеніяхъ — то вялый, то порывистый — и въ беспокойно-разсѣянномъ взглядѣ сказывается постоянный душевный гнетъ. Стефановичъ — молодой человекъ изъ тѣхъ, отъ которыхъ другимъ ни тепло, ни холодно; со всѣми ладитъ, но и себя не забываетъ.)
Стефановичъ }

Приселновъ, помощникъ Илимова. (Легкомысленный, но добрый малый.)

Добронравовъ, помощникъ Стефановича. (Тупое, усердное существо, въ представленіи котораго служба и подслуживаніе слились въ одно нераздѣльное понятіе.)

Фоминъ } писцы. (Первый изъ забытыхъ, второй изъ неунывающихъ, третій изъ ирачныхъ.)
Рыжиковъ }
Быховецъ }
Харченко.
Пузыревскій.

Проситель. (Темноватая личность, въ потертой фракной парѣ и не совсѣмъ свѣжею бѣль.)

Курьеръ.

Сторожъ.

Служащіе, курьеры, сторожа.

Дѣйствіе происходитъ въ управленіи, черезъ нѣсколько мѣтъ.

Просторная комната, оклеенная дешевыми, но приличными обоями. Направо два открытыя окна съ широкими подоконниками, налѣво и въ глубинѣ—двери, тоже открытыя. Пять столовъ: на право, у перваго окна—Шленка (передъ нимъ кресло, сбоку стулъ), у втораго—Стефановича, посерединѣ—Приселкова; налѣво, по сю сторону двери—Илимова (передъ послѣдними тремя столами по стулу), по ту сторону—общій, значительно большіе размѣровъ (вокругъ него четыре стула). Въ простѣнкахъ шкапы съ незапертыми, наверху стеклянными, дверцами; въ шкапахъ связки и кипы дѣлъ. Въ углу запиленная куча канцелярскаго хлама—неоднѣхъ бланковъ, старыя дѣла и проч. Въ глубинѣ анфилада такихъ-же комнатъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Илимовъ, Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, другіе служащіе и писцы.

(Илимовъ и Стефановичъ сидятъ за своими столами, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ и Быховецъ за общимъ; другіе служащіе и писцы — въ анфиладѣ. Илимовъ съ видимымъ напряженіемъ читывается въ толстое дѣло; Стефановичъ пишетъ; Добронравовъ—за счетами; Фоминъ подши-

ваетъ бумаги; Рыжиковъ и Быховецъ переписываютъ. Нѣкоторые курятъ. Черезъ комнату, слѣва въ глубину и обратно, безпрестанно проходятъ служащіе, курьеры и сторожа. Изъ смежнаго комнатъ доносится смутный говоръ, шелканіе счетами и т. п.)

Стефановичъ (Фомину, сидящему ближе друишь къ средней двери). Не видать еще Антоновъ Ивановичъ?

Фоминъ (осторожно заглянувъ въ глубину). Нѣтъ-съ еще, не видать.

Стефановичъ. И чего онъ ходитъ! Мѣшаетъ только.

Добронравовъ (*кладя на счетахъ, вполголоса*). Триста сорокъ четыре тысячи сто семьдесятъ восемь, сорокъ двѣ... Двѣсти девяносто пять тысячъ шестьдесятъ четыре, шестьдесятъ...

(*Смѣва вбѣгаетъ Харченко, съ бумагой въ рукахъ*)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Илимовъ, Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Харченко.

Харченко (*суетливо*). Гдѣ управляющій?

Фоминъ (*привставъ и показывая въ глубину*). Туда прошли-съ.

Харченко. Навѣрно?

Фоминъ. Навѣрно-съ.

(*Харченко убѣгаетъ въ глубину*).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Илимовъ, Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ.

Стефановичъ (*Быховцу*). Дмитрій Леонтьичъ, вы что пишете?

Быховецъ (*не отрываясь*). Записку.

Стефановичъ. Какую записку? Неужто все ту-же?

Быховецъ. Все ту-же.

Стефановичъ. Пережаралъ опять?

Быховецъ. Пережаралъ. (*Перестаетъ писать*.) Вы бы сказали ему, Николай Петровичъ! Въ третій разъ, вѣдь. До одури.

Стефановичъ. Ну, ужъ это вы сами говорите.

Быховецъ. Скажешь ему! (*Снова пишетъ*).

Добронравовъ. Милліонъ семьдесятъ двѣ тысячи двадцать пять, čtyрнадцать... Шестьсотъ сорокъ одна тысяча шестьдесятъ три, восемь...

Фоминъ (*заглянувъ въ глубину*) Идутъ-съ! Идутъ-съ!

(*Наступаетъ тишина. Изъ глубины входитъ управляющій, въ сопровожденіи Харченко. Всѣ встаютъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Илимовъ, Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, управляющій, Харченко.

Харченко (*старается не отстать отъ управляющаго и вмѣстѣ съ тѣмъ боится опередить или толкнуть его; но такъ какъ на пути встрѣчаются столы и другія препятствія, то онъ все время либо стѣснить ножками, либо пускается въ припрыжку*). На наше представленіе съ ихъ стороны послѣдовало увѣдомленіе, что ходатайство наше ос-

тавлено безъ удовлетворенія за неимѣніемъ въ законѣ точныхъ на этотъ предметъ указаній. Тогда мы вошли съ новымъ представленіемъ... (*на секунду отсталъ*)... съ новымъ представленіемъ, въ которомъ изъяснили, что неимѣніе въ законѣ точныхъ указаній... (*Достынувъ двери на тѣло, пропускаетъ управляющаго впередъ и умолкаетъ. Управляющій проходитъ въ дверь, отвѣчая на поклонъ встрѣтившагося ему и также посторонившагося Приселкова*.)

Харченко (*догоняя управляющаго*) ...что неимѣніе въ законѣ точныхъ указаній въ настоящемъ случаѣ не можетъ служить препятствіемъ...

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Илимовъ, Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Приселковъ.

(*Приселковъ входитъ съ гримасой школьнической испуга*.)

Стефановичъ (*смѣясь*). Ага! Налетѣлъ! Будешь являться во второмъ часу?

Приселковъ (*здороваясь со встми за руку, причемя Добронравовъ и писца привставомъ*). Это ужъ мое счастье такое. (*Кивая головой на столъ Шленка*). Купидона-то нѣтъ еще?

Стефановичъ. Нѣтъ. У него вѣдь по вторникамъ засѣданія.

Приселковъ. Такъ чего-жъ ты! Не опоздалъ, значитъ.

Стефановичъ. Погоди, тебѣ еще за вчерашнее попадетъ.

Приселковъ. Что вчера на службѣ-то не было? За то мы съ нимъ вечеромъ въ «Аркадія» встрѣтились.

Стефановичъ. Ну? И что-же?

Приселковъ. Испугался. (*Присаживается на столъ къ Стефановичу*.)

Стефановичъ. Ты?

Приселковъ. Вона! Когда-жъ это было? Купидонъ испугался. Я на него смотрю, чтобъ раскланяться, а онъ какъ увидалъ меня—скорѣй глаза въ сторону.

Илимовъ (*писцамъ*). Нѣтъ у насъ... этого... сборника циркуляровъ за прошлый годъ?

Рыжиковъ. Нѣтъ, Семенъ Петровичъ. Я сейчасъ достану.

Илимовъ. Пишите, пишите. Я самъ. (*Уходитъ въ глубину*.)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Приселковъ.

Приселковъ (*Стефановичу, вполголоса, кивая головой встѣдъ Илимову*). Что это съ нимъ? Ты не замѣчаешь?

Стефановичъ. Какъ не зашѣтать!

Приселковъ. Не намѣренъ-ли онъ... того?
(*Вертитъ пальцемъ у лба.*)

Стефановичъ. Кто его знаетъ! Въ семьѣ у него, кажется, неладно. Мать недавно умерла. Потомъ жена...

Приселковъ. Умерла развѣ?

Стефановичъ. Нѣ-этъ. Напротивъ, слишкомъ ужъ — говорить — наслаждается жизнью. Да и тутъ: постоянныя вѣдь стычки. Давно ужъ у нихъ какая-то исторія вышла, нѣсколько лѣтъ не кланялись. Одно къ одному.

Приселковъ. Вотъ и женись послѣ этого! То-ли дѣло на холостомъ положеніи: «хочешь — любишь, хочешь — нѣтъ, ни копейки денегъ нѣтъ!»

(*Слыва быстрыми и мелкими шажками, съ усиленнымъ тащомъ огромной, туго набитой портфель, вродѣ чемодана, — входитъ курьеръ.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Приселковъ, Курьеръ.

Приселковъ. У-у-у... Не надорвался?

Курьеръ (*сваливъ портфель на столъ Шленка и отдуваясь*). Да-съ... трудно-ва-то-съ...

Приселковъ. И для чего ты это таскаешь? Вѣдь онъ дома и не заглядываетъ туда.

Курьеръ (*застѣнчиво*). Ужъ этого я не могу знать-съ.

Приселковъ. Мнѣ Модестъ Феофановичъ говорилъ.

Добронравовъ (*въ испугъ*). Евгений Васильевичъ! Что вы-съ! Какъ можно-съ! Когда-же я...

(*Писцы втихомолку пересмѣиваются. Курьеръ, сдержанно улыбаясь, уходитъ обратно.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Приселковъ.

Добронравовъ. Что это вы, право, Евгений Васильевичъ! Можно-ли такъ — да еще при курьерѣ! Я васъ убѣдительно прошу-съ...

Приселковъ. Познакомьте меня съ вашей квартирной хозяйкой — тогда не буду.

Добронравовъ. Ну, вотъ съ... опять!

Приселковъ. Да отчего вы не хотите познакомиться?

Добронравовъ. Я ужъ вамъ говорилъ-съ. Я и самъ съ ней почти незнакомъ. Отдамъ деньги двадцатаго числа — вотъ и все-съ.

Приселковъ. Разска-азывайте! А по театрамъ съ ней кто ѣздитъ? Да если-бъ еще только по театрамъ!

Добронравовъ. Ни разу не былъ, какъ честный человекъ-съ!

Приселковъ. Такъ зачѣмъ-же вы ее прячете?
Добронравовъ. Какъ, прячу-съ? Никуда я ее не прячу-съ. Развѣ я могу ее прятать? Она не вещь.

Приселковъ. Ну, ладно. Ужъ накрою я васъ какъ-нибудь. Вамъ-бы, по вашимъ наклонностямъ, не Добронравовымъ, а Злонравовымъ называться слѣдовало. (*Закуривъ папиросу, съ шутовской важностью.*) Пойти осмотрѣть управленіе — все-ли въ порядкѣ. (*Уходитъ въ глубину.*)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ.

Добронравовъ. Николай Петровичъ! Вы-бы сказали Евгению Васильичу... что они, въ такомъ дѣлѣ! То одно на меня, то другое.

Стефановичъ. Да вѣдь онъ шутитъ. Неужто вы не понимаете?

Добронравовъ. Богъ съ ними и съ ихъ шутками! Если они не перестанутъ, я Федоръ-Федоричу жаловаться буду.

Стефановичъ. Этого еще недоставало!

Добронравовъ. Что-же мнѣ дѣлать-съ? Вы отказываетесь...

(*Илимовъ возвращается съ толстой книгой. Въ то же время слыва, стѣпно и дѣловито, входитъ Шленкъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Шленкъ.

(*При появленіи Шленка, Добронравовъ и писцы встаютъ и раскланиваются. Онъ отвѣчаетъ имъ кивкомъ головы, подаетъ руку Илимову и Стефановичу, садится за свой столъ и разгружаетъ портфель. Молчаніе.*)

Шленкъ (*ни къ кому не обращаясь*). Господинъ управляющій не спрашивалъ меня?

Добронравовъ (*привставъ*). Нѣтъ-съ, не спрашивали.

(*Молчаніе.*)

Шленкъ. Евгения Васильича и сегодня нѣтъ?

Стефановичъ. Нѣтъ, онъ здѣсь.

(*Молчаніе.*)

Шленкъ. Кому я далъ записку въ совѣтъ?
Быховецъ. Мнѣ.

Шленкъ. Гдѣ-жъ она?

Быховецъ. У меня. Кончаю.

Шленкъ. Отчего-жъ только теперь кончаете, когда я предупреждалъ васъ, что она должна быть готова къ двѣнадцати часамъ?

Быховецъ. Не успѣлъ. Много очень.

Шленкъ. Надо было успѣть. Я сегодня долженъ представить ее господину управляющему.

Быховецъ. Черезъ четверть часа будетъ готова.

(*Молчаніе.*)

Шленкъ (*пожмаясь*). Фомины! закройте окно. (*Фомины перебываетъ черезъ комнату, осторожно пробирается за спиной Шленка къ окну и закрываетъ ею.*) Возьмите бумага. Это къ перепискѣ. Сегодня должны быть готовы всѣ. (*Роняетъ нѣсколько бумагъ; Фомины подбираетъ ихъ и возвращается на мѣсто.*) Рыжиковъ! Отчего вы вчера на службѣ не были?

Рыжиковъ (*привставъ*). Воленъ былъ.

Шленкъ. Отчего-жъ вы не дали знать?

Рыжиковъ. Да я только одинъ день и проболѣлъ. Письмо только нынче дошло-бы.

Шленкъ. Это не отговорка. (*Улыбляется въ бумагу. Тишина. Изъ глубины входитъ Приселковъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фомины, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Шленкъ, Приселковъ.

Приселковъ (*громко*). Несчастье, господа! (*Общее вниманіе; Шленкъ озабоченно поднимаетъ голову.*) Харченко залилъ чернилами докладную бумагу! Волосы на себѣ рветъ. (*Стефановичъ улыбается; писцы сдержанно смѣются; Шленкъ хмурится и снова принимается за работу.*) Здравствуйте, Федоръ Федорычъ. (*Фамильярно здоровается съ Шленкомъ и идетъ къ своему столу.*)

Шленкъ (*значительно*). Я видѣлъ васъ вчера въ «Аркадіи».

Приселковъ (*просто*). И я васъ видѣлъ. (*Внимаетъ изъ стола и раскладываетъ бумагу.*)

Шленкъ (*послѣ неловкаго молчанія, совсѣмъ уже другимъ тономъ*). Очень мило прошло, не правда-ли?

Приселковъ. Ничего себѣ. (*Молчаніе.*)

Шленкъ. Сеяень Петровичъ, прошу васъ. (*Илимовъ съ видимой неохотой, плохо скрывая непріязненное чувство подходитъ къ нему.*) Я просмотрѣлъ вашу вѣдомость... Садитесь, пожалуйста.. Все-таки не то, что нужно... (*Илимовъ молчитъ. Шленкъ нѣсколько теряется.*) Какъ это у насъ, право, не выходитъ... Во-первыхъ не обозначены мѣста жительства недопущиковъ—а это необходимо... (*Илимовъ молчитъ, Шленкъ теряется еще больше.*) Вѣдь вы согласны, что это необходимо?

Илимовъ. Я-бы сдѣлалъ, если-бы считалъ необходимымъ.

Шленкъ. Пу, отчего же! Можно просто упустить изъ виду... Дальше. Свѣдѣнія о льготахъ имѣются только за четыре года, а нужно по крайней мѣрѣ за десять...

Илимовъ. Этнхъ свѣдѣній у насъ нѣтъ.

Шленкъ. Вотъ я и говорю, что нѣтъ. Но если ихъ нѣтъ у насъ, это еще не значитъ, что ихъ нѣтъ нигдѣ. Согласитесь, что это такъ... (*Илимовъ молчитъ. Шленкъ окончательно теряется и начинаетъ егзистъ.*) Гдѣ-нибудь они есть, эти свѣдѣнія, и мы знаемъ, гдѣ они есть: слѣдовательно, мы ихъ должны истребовать. Такъ вѣдь?.. Вотъ-съ. Наконецъ... что такое?.. (*Перелистываетъ вѣдомость взадъ и впередъ.*) Тоже очень существенное... (*Сравнившись по другимъ бумагамъ.*) Да! Вы совершенно измѣнили порядокъ. У васъ цифры расположены не по начальнымъ срокамъ, а по роду недоимокъ... (*Внушительно.*) Не по начальнымъ срокамъ, а по роду недоимокъ...

Илимовъ (*мало-по-малу раздражаясь*). Что-жъ вы мнѣ говорите, когда я самъ это дѣлалъ!

Шленкъ. Тогда какъ нужно было расположить не по роду недоимокъ, а по начальнымъ срокамъ, то-есть наоборотъ...

Илимовъ. Почему?

Шленкъ. Какъ, почему? Во-первыхъ такъ формулированъ запросъ, а во вторыхъ—резолція господина управляющаго: «исполнить». Очевидно мы должны исполнить согласно съ запросомъ... Вы какъ будто меня не понимаете... я, кажется, ясно выражаюсь...

Илимовъ. Я васъ не понимаю.

Шленкъ. Да вѣдь это очень просто. Представьте, напримѣръ, что васъ спрашиваютъ: сколько и какихъ именно—по должностямъ—служащихъ находится у насъ въ каждомъ отдѣленіи,—и вы даете отвѣтъ: въ управленіи—понимаете?—въ цѣломъ управленіи, а не въ каждомъ его отдѣленіи,—въ управленіи находится столько-то начальниковъ отдѣленій, столько-то дѣлопроизводителей и бухгалтеровъ, столько-то ихъ помощниковъ...

Илимовъ. Это что-жъ такое? Къ чему?

Шленкъ. Я хотѣлъ пояснить вамъ при-мѣромъ...

Илимовъ. Совершенно напрасно.

Шленкъ. Да вѣдь—если я не ошибся—вы сами сказали, что не понимаете...

Илимовъ. Я васъ не понимаю. Не понимаю, чего вы хотите. А то, о чемъ насъ спрашиваютъ, и что приказалъ управляющій,—это я понимаю и не могу не понимать... не могу...

Шленкъ. Вамъ угодно играть словами?

Илимовъ (*едва владѣя собой*). Нѣтъ, мнѣ не угодно играть словами—а вотъ вамъ.. Вы кончили?

Шленкъ (*сразу одѣлъ себя въ начальственную броню*). Да-съ, я кончилъ. Такъ, пожалуйста, потрудитесь исправить по тѣмъ указаніямъ, какія я далъ вамъ. И я просилъ

бы васъ сегодня-же — господинъ управляющій ждеть...

Илимовъ (*береть бумаги, подходит къ своему столу, на секунду остается недвижимымъ, какъ бы замираетъ, и вдругъ хлопаетъ бумагами по столу съ такой силой, что все вздрагиваютъ*). Чортъ знаетъ, что такое!.. (*Напряженная тишина.*) Нужно... я не знаю... ангельское терпѣніе нужно... (*Шумно садится.*) Никакого уваженія къ чужой личности, къ чужому труду... ни малѣйшей деликатности... (*Неожиданно вскакиваетъ и рѣшительно направляется къ Шленку вмѣстѣ съ бумагами, которая почти швыряетъ передъ нимъ.*) Я не стану ничего исправлять. Я сдѣлалъ, какъ считалъ нужнымъ, и больше не намѣренъ... Я не мальчишка, не школьникъ... (*Возвращается на мѣсто, съ трудомъ переводя дыханіе.*)

Шленкъ. Какъ вамъ угодно-сь.

(*Опять напряженная тишина. Шленкъ наполняетъ бумагами папку и хочетъ идти. Изъ глубины входитъ Пузыревскій.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Шленкъ, Приселковъ, Пузыревскій.

Пузыревскій. А я къ вамъ, Федоръ Федорычъ...

Шленкъ. Черезъ нѣсколько минутъ къ вашимъ услугамъ. Теперь мнѣ къ господину управляющему необходимо.

Пузыревскій. Два слова только. Помните вы...

Шленкъ. Простите, не могу. Черезъ нѣсколько минутъ. (*Уходитъ съ папкой на лѣво.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, Пузыревскій.

Пузыревскій (*пораженный*). Экой онъ у васъ! Къ господину управляющему — подумаешь, страсти какія! Могъ бы минуточку подождать — хоть изъ вѣжливости.

Приселковъ. Этого съ насъ не спрашиваютъ.

Пузыревскій. У-ди-вительно! (*Уходитъ обротно. Фоминъ встаетъ и уходитъ на лѣво.*)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ.

Приселковъ. Семенъ Петровичъ! Тутъ есть бумага по дѣлу Коронислова: что отвѣчать?

Илимовъ. А? По дѣлу Коронислова? Что хотите.

Приселковъ Да я, пожалуй, отвѣтилъ бы — остались бы довольны. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Илимовъ. Ахъ, да что хотите!

Приселковъ (*съ комическимъ вздохомъ*). Буденъ отвѣчать! (*Пишетъ. Голосъ сторожа въ комнату на лѣво: „Докторъ пріѣхалъ!“*.) Слышите, Модестъ Феопептовичъ?

Добронравовъ. Семьсотъ девятнадцать тысячъ триста восемь, шестнадцать... (*Входитъ сторожъ*).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, сторожъ.

Сторожъ (*на ходу*). Докторъ пріѣхалъ!

Приселковъ. Модестъ Феопептовичъ, слышите?

Добронравовъ. Мнѣ не надо доктора. (*Сторожъ уходитъ дальше.*)

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ.

Приселковъ. Ой-ли? вы въ этокъ увѣрены? (*Голосъ сторожа въ глубинѣ: „Докторъ пріѣхалъ!“*)

Добронравовъ. Четыреста двадцать тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ семь, десять...

Рыжиковъ (*Быховцу*). Митя, дай ножичка. (*Тотъ продолжаетъ писать.*) Митя!

Быховецъ. Стань! Видишь — занять.

Рыжиковъ. На минутку. Да-а!

Быховецъ. Убирайся!

Рыжиковъ. Эко чудело! Жалко ему. (*Добронравову.*) Модестъ Феопептовичъ, одолжите ножичка.

Добронравовъ (*съ неудовольствіемъ*). Возмите, только сейчасъ отдайте.

Рыжиковъ. Сію минуту. Мнѣ всего одну запятуя выскоблить — не такъ поставилъ. (*Быховцу.*) Безъ васъ обошлесь. (*Слѣва входитъ проситель, съ портфелемъ. Появленіе его возбуждаетъ общее любопытство.*)

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, проситель.

Проситель (*развязно подходитъ къ Приселкову, галантно раскланивается, кладетъ на столъ портфель, долго роется въ немъ, вытаскиваетъ бумагу — и говоритъ однимъ духомъ*). Въ качествѣ повѣреннаго наследниковъ генералъ-маіора Хлодницкаго я получилъ отъ васъ объявленіе, что прошеніе мое отъ семнадцатаго іюня оставлено безъ послѣдствій за непредставленіемъ необходимыхъ документовъ. Здѣсь очевидное недоразумѣніе...

Приселковъ (*все время удивленно взираетъ*).

шій на него). Да, здѣсь очевидное недоразумѣніе. Я никакихъ наследниковъ генераль-майора Хлодницкаго не знаю.

Проситель. Пардонъ! Вѣдь это—если я не ошибаюсь—второе дѣлопроизводство?

Приселковъ. Нѣтъ, это бухгалтерія. А второе дѣлопроизводство—черезъ комнату направо.

Проситель. Скажи-ите! А меня направилъ сюда.. Вы изволите говорить: черезъ комнату направо?

Приселковъ. Да.

Проситель. Милъ пардонъ! *(Уходитъ въ глубину. Шленкъ возвращается и молча садится за работу. Всп, кроме Илмова, изподтишка поглядываютъ на него.)*

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Стефановичъ, Доброправовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, Шленкъ.

Шленкъ. Что-жъ записка? Готова?

Быховецъ. Сейчасъ будетъ готова.

Шленкъ. Господинъ управляющій спрашивалъ уже. *(Молчаніе.)* Фоминъ!

Рыжиковъ. Фомина нѣтъ. *(Фоминъ входитъ.)* Вотъ, пришелъ.

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Стефановичъ, Доброправовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, Шленкъ, Фоминъ.

Шленкъ. Куда вы бѣгаете? Когда работы много, надо на мѣстѣ сидѣть.

Фоминъ. Я-съ... нѣ было нужно-съ...

Шленкъ. Сходите къ господину Пузыревскому и скажите, что я свободенъ, если ему угодно. *(Фоминъ уходитъ въ глубину. Сторожъ, возвышавшій о прѣздѣ доктора, проходитъ обратно.)*

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Стефановичъ, Доброправовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, Шленкъ.

Приселковъ *(опомолая)*. Такъ онъ къ тебѣ и пришелъ, какъ же!

Шленкъ. Что-съ?

Приселковъ. Ничего-съ.

Шленкъ *(смутившись)*. Мнѣ показалось, что вы нѣтъ...

Приселковъ. Нѣтъ-съ. *(Входитъ курьеръ.)*

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Стефановичъ, Доброправовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, Шленкъ, курьеръ.

Курьеръ *(Илмову)*. Васъ господинъ управляющій проситъ.

(Илмовъ, какъ-бы ожидавшій этого, встаетъ и уходитъ направо, въ сопровожденіи курьера. Общее движеніе. Всп взоры устремляются на Шленку, который дѣлаетъ видъ, что поглощенъ работой. Приселковъ громко и глубоко вздыхаетъ. Опять молчаніе. Фоминъ возвращается.)

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Стефановичъ, Доброправовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Приселковъ, Шленкъ, Фоминъ.

Фоминъ *(Шленку)*. Господинъ Пузыревскій сказалъ, что нѣ теперь некогда. *(Садится на мѣсто. Приселковъ многозначительно откашливается. Стефановичъ, скрывая улыбку, наклоняется надъ бумагами.)*

Шленкъ *(поморщившись, съ усмѣшкой)*. Значитъ, не особенно нужно. *(Молчаніе.)* Модестъ Феопеитовичъ, позвольте мнѣ входящій за прошлый годъ. *(Доброправовъ бросается къ шкапу, достаетъ журналъ, подаетъ его Шленку и выжидаетъ.)* Больше ничего. Благодарю васъ. *(Доброправовъ поворачивается, чтобъ идти.)* Позвольте! позвольте! Здѣсь у насъ маленькая несправность...

Доброправовъ *(устремляясь къ журналу, трепетнымъ голосомъ)*. Гдѣ-съ?

Шленкъ *(показывая)*. Вотъ. Нѣтъ откѣтки объ исполненіи.

Доброправовъ *(смотря въ журналъ и какъ-бы не вѣря собственнымъ глазамъ)*. Объ исполненіи... да-съ...

Шленкъ. Это я случайно увидалъ. Можетъ быть еще гдѣ-нибудь...

Доброправовъ *(горячо)*. Нѣтъ-съ! Не можетъ быть-съ! И это, ужъ я не знаю... какъ такъ...

Шленкъ. Больше пока ничего. *(Доброправовъ возвращается на мѣсто, совершенно убитый. Молчаніе.)* Фоминъ, дайте мнѣ новое перо. *(Фоминъ подаетъ двѣ коробки съ перьями.)* Лучше нѣтъ?

Фоминъ. Нѣтъ-съ. Я ужъ говорилъ экзектору—не даетъ.

Шленкъ. Напомните мнѣ когда-нибудь—я самъ скажу. *(Выбравъ перо.)* Вставьте вотъ это. *(Фоминъ пальцемъ вынимаетъ изъ ручки негодное перо.)* Что-жъ вы такъ? Надо было взять бумажку.

Фоминъ *(обтираетъ пальцемъ о собственные волосы)*. Ничего-съ. *(Вставляетъ новое перо, подаетъ его Шленку и возвращается на мѣсто.)*

Приселковъ *(закуриваетъ папиросу, встаетъ, потягивается и подходитъ къ заднему окну)*. Модестъ Феопеитовичъ! скорѣй, скорѣй,—хорошенькая идетъ! *(Ложится на подоконникъ.)*

Доброправовъ. Мнѣ не интересво.

Приселковъ. Будто? А хозяйка ваша—хорошенькая, или нѣтъ?

Добронравовъ. Не нѣшайте нѣтъ пожалуйста.

Шленкъ. Въ самомъ дѣлѣ, Евгений Васильичъ... Если вамъ нечего дѣлать...

Приселковъ. Нѣтъ, нѣтъ есть что дѣлать.

Шленкъ. Тѣмъ хуже.

Приселковъ. Какъ на чай вкусъ. *(Продолжаетъ смотреть въ окно. Слѣва входитъ Илимовъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Приселковъ, Шленкъ, Фоминъ, Илимовъ.

Илимовъ *(блѣдный и взволнованный, направляется къ своему столу, трогаетъ бумаги, потираетъ лобъ и медленно направляется къ Шленку; говоритъ очень сдержанно)*. Что вы наговорили обо мнѣ управляющему?

Шленкъ *(съежившись)*. Господинъ управляющій, вѣроятно, сообщилъ вамъ...

Илимовъ. Нѣтъ, онъ не сообщилъ мнѣ... иначе-бы я васъ не спрашивалъ. Онъ только сказалъ, что вы вообще недовольны моею службой, и предложилъ подать въ отставку. Такъ вотъ я и хотѣлъ-бы знать.

Шленкъ. Вы должны знать и безъ того. Я говорилъ только то, что было.

Илимовъ. Что-же именно?.. *(Молчаніе.)* Вы, пожалуйста, не подумайте, что я хочу защищаться, оправдываться. Не изъ чего было-бы хлопотать. Вамъ нипочемъ заставить человѣка въ третій разъ переписывать огромную бумагу, потому что вы сначала не потрудились исправить ее, какъ слѣдуетъ. Вамъ нипочемъ заставить человѣка бѣжать черезъ всю комнату, чтобы закрыть окно, у котораго вы сидите. Вамъ многое нипочемъ. Но вѣдь вы не одни здѣсь. Другихъ это можетъ и коробить... даже очень коробить. А ужъ какъ меня коробило, какихъ мнѣ усилий стоило сдерживать себя—вы и понять не въ состояніи. Такъ стану-ли я еще защищаться и оправдываться? За чѣмъ? Чтобы опять все это видѣть и слышать? Нѣтъ, съ меня довольно. У меня теперь одно желаніе—вывести васъ на свѣжую воду...

Шленкъ *(несколько разъ порывавшійся говорить)*. Послушайте, наконецъ, господинъ Илимовъ!

Илимовъ. Да, вывести васъ на свѣжую воду. Дѣло ясное: у васъ хорошая память. Не забыли этого, а? *(Показываетъ, какъ встряхиваютъ за шиворотъ.)*

Шленкъ. Прекратите этотъ разговоръ. Здѣсь и не мѣсто къ тому-же.

Илимовъ. Управляющій, впрочемъ, заявилъ мнѣ, что если вы найдете возможнымъ—то есть другими словами, если я попрошу васъ,—то я могу продолжать службу...

Шленкъ. Я не вставалъ на вашень увольненіи.

Илимовъ *(все еще сдерживаясь)*. Но, конечно, я этого не сдѣлаю. Слишкомъ много было-бы чести... *(Внезапно приходитъ изступленіе, стучитъ кулакомъ по столу Шленка и кричитъ)*. Слишкомъ много чести слышите? Слишкомъ много чести для васъ!

Шленкъ *(совсѣмъ растерявшійся)*. Успокойтесь, пожалуйста! Я и не требую... *(Обращаясь ко остальнымъ)*. Господа! что-жъ это? скандалъ! Надо сказать экзекутору...

(Никто не трогается съ мѣста. Въ дверяхъ появляются любопытные.)

Илимовъ *(неистово)*. Экзекуторъ! куда! на помощь къ господину Шленку!

Приселковъ *(подбѣгаетъ къ нему)*. Семенъ Петровичъ! голубчикъ! плюньте! Пойдите отсюда... *(Увидавъ, что Добронравовъ всталъ и хочетъ идти.)* Вы куда?

Добронравовъ *(нерешительно)*. Федоръ Федорычъ сказали... за экзекуторомъ...

Приселковъ *(строго)*. Сядьте! *(Добронравовъ поглядываетъ то на него, то на Шленка, и не знаетъ, что дѣлать.)* Сядьте, говорить вамъ! *(Добронравовъ садится.)* Сиделись-бы! *(Илимову.)* Пойдите, голубчикъ. Нечего вамъ тутъ...

Илимовъ *(сразу обезсилѣвъ, покорно даетъ вести себя)*. Пойдите... Спасибо вамъ...

Приселковъ *(обернувшись къ Добронравову)*. Халуй! *(Уходитъ напропалую.)*

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Шленкъ, Фоминъ.

(Долгое и тягостное молчаніе.)

Шленкъ. Что-жъ, наконецъ, записка? Будетъ-ли готова сегодня?

Быховецъ. Готова.

Шленкъ. Такъ давайте-же!.. Николай Петровичъ, потрудитесь считать съ Модестомъ Феопеяповичемъ.

(Быховецъ подаетъ Стефановичу записку вмѣстѣ съ черновой. Добронравовъ со своимъ стуломъ пересаживается туда-же.)

Добронравовъ *(медленно и раздвѣжно, сломъ за слогомъ, читаетъ по черновой)*. «Въ тысячу восемьсотъ семьдесятъ второмъ году впервыя возбужденъ былъ, какъ требовавшій настоятельнаго разрѣшенія, вопросъ»...

(Занавѣсъ.)

П Я Т А Я К А Р Т И Н А.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Илимовъ. Людмила. Багрецовъ. Аболтинъ. Платонида Марковна. Юлія. Мышкина. (*Багрецовъ и Аболтинъ замѣтно возмужали; Платонида Марковна и Мышкина постарѣли; Юлія еще болѣе увлѣла, но прежней восторженности ни мало не утратила.*)

Варя—дочь Илимовыхъ. (Шести лѣтъ. Изъ скороспѣлокъ, видимо выросла безъ надлежашаго надзора и воспиталась на дурныхъ привѣрахъ).

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ Илимовыхъ и Аболтиныхъ, близъ станціи желѣзной дороги, чрезъ нѣсколько дней.

Закрытый стеклянный балконъ, съ лѣвой стороны примыкающій къ стѣнѣ дома, въ которой два окна и между ними стеклянная же дверь; направо, съ нѣсколькими ступеньками внизъ, дверь въ садъ и на улицу (двери, окна и балконныя рамы открыты). Мебель сборная, какъ обыкновенно бываетъ на небогатыхъ дачахъ: обѣденный столъ, два разныхъ кресла, нѣсколько стульевъ. Постройка ветхая. Деревья въ саду и часть балкона освѣщены заходящимъ солнцемъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Аболтинъ, Мышкина.

(*Аболтинъ, преследуемый Мышкиной, быстро выходитъ изъ комнаты.*)

Аболтинъ (*съ сердцемъ*). Отстаньте вы отъ меня!

Мышкина (*сильно возбужденная*). Не отстану, моя душечка! Ни за что не отстану!

Аболтинъ (*обернувшись къ ней съ угрожающимъ видомъ*). Такъ вы чего-же хотите? Чтобъ я...

Мышкина. Я хочу, моя душечка, свои деньги получить—больше ничего.

Аболтинъ. А я вамъ русскіи языкомъ говорю, что вы ихъ не получите, потому что у меня никакихъ денегъ нѣтъ,—вотъ и все!

Мышкина. Какъ, не получу, моя душечка? Я непремѣнно получу. Должна получить. Вы брали у меня только на годъ, а теперь сколько времени прошло!

Аболтинъ. Я вамъ часть отдалъ.

Мышкина. Какая-жъ это часть, моя душечка,—сорокъ рублей изъ трехсотъ!

Аболтинъ. И будетъ съ васъ. Я удивляюсь, право: Семенъ Петровичу вы родственница, увѣряете, что любите его, знаете, что человѣкъ нѣста лишился—не сегодня, завтра по-иру съ семьей пойдетъ,—а вы денегъ требуете! Какъ у васъ духу-то хватаетъ?

Мышкина. Душечка моя! Я не съ него требую, а съ васъ. Вы при нѣстѣ остались.

Аболтинъ. Тпфу!... Да вѣдь пять-лѣтъ надо не нѣ одному, а всѣмъ,—какъ вы полагаете? За дачу вонъ только половина заплачена, въ лавкахъ должны—все вѣдь это я теперь раскошеливайся! Чѣмъ-бы роднымъ помочь въ бѣдѣ—вы ихъ вѣсто того доковать хотите!

Мышкина. Я ничѣмъ не могу помочь, моя душечка... Я послѣднее отдала.

Аболтинъ. Разска-азывайте!

Мышкина. Последнее, моя душечка, послѣднее. На повсю только и живу. (*Аболтинъ машетъ рукой. Молчаніе.*) Такъ какъ-же, моя душечка?

Аболтинъ. Что еще?

Мышкина. Насчетъ денегъ-то?..

Аболтинъ (*свирѣпѣя*). Опять?! Опять?!

Мышкина. Да вы не кричите, моя душечка! Я и сама кричать умѣю. (*Кричитъ.*) Деньги мои отдайте! Ничего знать не хочу!

Аболтинъ (*понижая голосъ*). Что вы орете-то? Вѣдь кругомъ слышно. За что вы племянника-то своего сраните?

Мышкина (*тоже*). Вы сами начали кричать, моя душечка.

Аболтинъ. Не въ крикъ дѣло. Выведутъ изъ терпѣнія—какъ не крикнуть! А вы прямо о деньгахъ во все горло. Не дай Богъ разнесется, что Семенъ безъ нѣста: дохнуть не дадутъ, всѣ кинутся.

Мышкина. Ужъ навѣрное всѣ знаютъ, моя душечка. Этого не скроешь.

Аболтинъ. Можетъ и знаютъ, да молчать пока. А стоить одному крикнуть—всѣ заглядятъ. (*Молчаніе.*)

Мышкина (*мяко*). Вы, моя душечка, хоть обнадежьте меня: когда...

Аболтинъ. Отдашь, не пропадутъ. Я ужъ давно предлагаю вамъ: выйдите за меня замужъ. Тогда и сквитаемся.

Мышкина. Ахъ, моя душечка, нѣтъ теперь не до шутокъ!

Аболтинъ. Да и нѣтъ не до шутокъ. А то развѣ сталь-бы я... Я въ сурьезъ говорю.

Мышкина. Какая-же мы пара, моя душечка? Я вамъ въ матери гожусь.

Аболтинъ. Да вамъ сколько лѣтъ?

Мышкина. Сорокъ первый годъ, моя душечка.

Аболтинъ. А мнѣ тридцать пять скоро. Чѣмъ не пара? Разница самая пустячная. Не правлюсь я вамъ, что-ли?

Мышкина. Нѣтъ, моя душечка, отчего же... Да нѣтъ, нѣтъ! Что вы это! Мнѣ и думать объ этомъ грѣхъ!

Аболтинъ. Почему грѣхъ? Удивляюсь!... Вѣдь вы Сеничку своего любите?

Мышкина. Еще-бы не любить, моя душечка! Дѣвчонкой нянчила его—на моихъ рукахъ выросъ.

Аболтинъ. Пойдите, пойдите! Вы какъ ему приходитеесь-то?

Мышкина. Двоюродной теткой, моя душечка. Варенька покойница—двоюродная сестра моя.

Аболтинъ. Ну, такъ ничего. Я думалъ—близкая родня: тогда не повѣнчали-бы. Любите, стало-быть?

Мышкина. Кого, моя душечка?

Аболтинъ. Племянника своего, Семена.

Мышкина. Люблю, моя душечка. Я же говорю, что люблю. Какъ мнѣ его не любить, когда...

Аболтинъ. Ну, такъ вѣдь какъ хорошо было-бы: поженились бы мы съ вами, зажили бы всѣ вѣстѣ—тихо, скромно...

Мышкина. Вѣстѣ-то я боюсь, моя душечка. Платонида Марковна... Ахъ, у нея такой характеръ неуживчивый!

Аболтинъ. Пустяки! Несъ характеромъ жить—съ добрыми людьми.

Мышкина. Такъ-то такъ, моя душечка, а все-жъ... Мы и теперь съ ней споримся постоянно—что-жъ тогда будетъ? (*Спохватившись.*) Ахъ, моя душечка! Что я говорю! Точно въ самомъ дѣлѣ...

Аболтинъ. Да въ самомъ дѣлѣ и есть. Чего тутъ? Ударили-бы сейчасъ по рукамъ...

Мышкина. Нѣтъ, нѣтъ, моя душечка! Что вы! Можно-ли такъ... сразу?... Нѣтъ, нѣтъ!... (*Штыливо смотритъ на него.*) Ужъ если вы серьезно... Серьезно, моя душечка?

Аболтинъ. Господи Боже мой! Сколько же мнѣ разъ говорить?

Мышкина. Не сердитесь, моя душечка. Я вѣдь спросила потому, что... какъ не спросить?.. Вотъ у васъ тоже дурной характеръ, моя душечка: все сердитесь. Я и боюсь.

Аболтинъ. Бояться нечего. Не кусаюсь. А разсердиться всякій можетъ. Не сердите, такъ и не буду сердиться.

Мышкина. Да ужъ я-то, моя душечка, сердить васъ не буду. Спросите, какъ я съ покойнымъ мужемъ жила: душа въ душу. Такъ и съ вами, моя душечка... Ой, да что это я все! Гляжу на васъ, моя душечка, лицо у васъ такое серьезное—мнѣ и кажется, что ужъ кончено...

Аболтинъ. И пусть кончено. Чего таяуть, не понижаю! Дѣло чистое.

Мышкина. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! нѣтъ, ни душечка, нѣтъ! Я ужъ сказала. Я должна подумать. Я непрежѣнно должна подумать. Подумать и посоветоваться.

Аболтинъ. Съ кѣмъ еще совѣтоваться-те!

Мышкина. Съ Сеничкой.

Аболтинъ. До васъ ему теперь, какъ же! И къ чему совѣтоваться? Не молоденькая, слава Богу, свой умъ есть. И думать нечего... Однако, мнѣ сбѣгать нужно. До пріятнаго. (*Протягиваетъ ей руку.*) Задаточекъ-бы!

Мышкина. Какой задаточекъ?

Аболтинъ. Извѣстно, какой. (*Умокаетъ губами.*)

Мышкина (*въ ужасѣ*). Что это?! Поцѣловать?! Нѣ-э-э-э, нѣтъ! Боже сохрани! Уходите, уходите, моя душечка!

Аболтинъ. Да чего вы испугались-то? Придется же, все равно.

Мышкина. Тамъ когда еще придется, моя душечка! Уходите, уходите!

Аболтинъ. Ну, ручку, по крайности.

Мышкина. Ручку можете, моя душечка, если хотите. (*Даетъ ему руку и намъреваетъ поцѣловать его въ лобъ; но онъ быстро поворачиваетъ голову и целуетъ ее прямо въ губы.*) А! (*Аболтинъ смѣется.*) Фу, моя душечка, какъ отъ васъ табакомъ пахнетъ! Я и забыла, что вы такой скверный табакъ курите... Нѣтъ, нѣтъ, моя душечка! Ни за что! Еслибъ вы еще не курили...

Аболтинъ. Теперь ужъ конецъ! Задатокъ—по формѣ. Теперь ужъ назадъ—ни-ни! (*Выразительнымъ шепотомъ.*) Прощай, Глаша! скоро увидимся. (*Надъвываетъ фуражку и уходитъ черезъ садъ направо.*)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Мышкина, Платонида Марковна.

(*Мышкина садится и въ задумчивости закрываетъ лицо руками; на лицѣ ея появляется довольная улыбка. Отнявъ руки отъ глазъ, которые остаются у нея полузакрытыми, она начинаетъ жестиковать, шевелить губами, пошмыгиваться—какъ будто ей представляется, что она ведетъ съ кѣмъ-то интересной разговоръ. Изъ комнаты входитъ Платонида Марковна. Увидавъ Мышкину, она смотритъ на нее сперва съ удивленіемъ, потомъ съ безпокойствомъ; но та домо не замѣчаетъ ее.*)

Платонида Мари. Глафира Осиповна! Что это съ вами?

Мышкина (*вскокивъ, какъ уличенная въ шалости*). Ахъ!.. Душечка моя, не спраш-

вайте! ради Бога ве спрашивайте! И не ходите ко мнѣ! Послѣ, послѣ!

Платонида Марк. Да что такое? Еще неприятность какая-нибудь?

Мышкина. Не знаю, моя душечка! ничего не знаю!.. Ахъ! ахъ! ахъ! (*Въ сильномъ смѣненіи уходитъ въ комнаты.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Платонида Марк. Шальная баба! Напугала только. Такъ и ждешь чего-нибудь, за одно ужъ... Охъ грѣхъ, грѣхъ наши тяжкіе! И что это съ нами будетъ—подумать даже страшно. (*Справа, едва волоча ноги отъ изнеможения, входитъ Илимовъ—въ шляпѣ и съ палкой. Платонида Марковна тотчасъ же принимаетъ видъ покорной судьбы жертвы.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Платонида Марковна и Илимовъ.

Илимовъ (*садится, тяжело и прерывисто дыша*). Что Людмила дѣлаетъ?

Платонида Марк. (*грустнымъ тономъ*). Еѣ дома нѣтъ.

Илимовъ. Гдѣ-жъ она?

Платонида Марк. Въ городѣ.

Илимовъ (*встрепенувшись*). Зачѣмъ?

Платонида Марк. Не знаю. Мало-ли какая надобность. Она часто въ городъ ѣздитъ—известно вамъ, кажется.

Илимовъ. Сегодня она не собиралась.

Платонида Марк. Стало быть собиралась, коли побѣгала. Не спрашиваться же ей у васъ. А можетъ и сразу надувала. Своя воля.

Илимовъ. Такъ вы не знаете—зачѣмъ?

Платонида Марк. Говорю: не знаю. (*Помолчавъ и не глядя на него*). Дворникъ приходилъ, васъ хотѣлъ видѣть. За деньгами, должно быть. (*Помолчавъ*). И въ лавкѣ тоже спрашивали: скоро-ли отдадутъ, ноль? (*Помолчавъ*). Слышите, Семенъ Петровичъ?

Илимовъ. Слышу.

Платонида Марк. То-то. Пора позаботиться.

Илимовъ. Это ужъ мое дѣло.

Платонида Марк. Ваше, ваше. Я напоминаю только. (*Садится на ступеньки и смотритъ черезъ садъ на улицу; дальнѣйшій разговоръ ведетъ не оборачиваясь*.)

Илимовъ. Напрасно. Я помню.

Платонида Марк. Эхъ, кабы вы все поняли, что надо! Не было-бы того, что теперь. Не оставили бы семью безъ куска хлѣба... (*Кричитъ кому-то*). Ты что-жъ это, дрянъ эдакая, каменьями швыряешься? Вотъ попади мнѣ только! Помелъ прочь!.. (*Презрительнымъ тономъ*). Кабы помнили, что надо, не такъ бы всѣ жили. Которые и помоложе васъ, и тѣ по службѣ впередъ ушли. Не далеко ходить—того же Шленка взять. Давно-ли безъ

жалованья служилъ? А того и гляди, помощникомъ управляющаго сдѣлаютъ. Старикъ-то годъ-другой еще протянетъ да и въ могилу. Кабы помнили...

Илимовъ. Перестаньте! Довольно ужъ.

Платонида Марк. Да чего довольно! Оно, пожалуй, и довольно—потону больше ужъ нечего, до послѣдняго дошли. А перестать, либо пѣтъ—это ужъ какъ мнѣ желательно будетъ. Я не о васъ забочусь... (*Отвѣчаетъ на чей-то поклонъ*). Здравствуйте, батюшка Степанъ Парамонъчъ... (*Презрительнымъ тономъ*). Не о васъ я забочусь, а о дочери своей съ ребенкомъ, да о сынѣ.

Илимовъ. Сынъ-то вашъ, кажется, здѣсь не причемъ.

Платонида Марк. Какъ, не причемъ? Очень даже причемъ. На его шеѣ всѣ останеися. (*Илимовъ громко усмѣхнется*). Сидѣться нечего. Сидѣшного тутъ ничего нѣтъ. Напротивъ, очень грустно. (*Вздыхаетъ*). Очень, очень грустно.

(*Голосъ Юліи въ саду: „Мерси. Некогда.“ Затѣмъ она входитъ сама—печальная и хмурая*).

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Платонида Марковна, Илимовъ и Юлія.

Юлія (*проходя мимо Платонида Марковны, задѣваетъ ее платьемъ; сухо*). Извините.

Илимовъ (*разспянно*). Что это тебѣ некогда? Съ кѣмъ ты разговаривала?

Юлія. Съ сосѣдкой. Приглашала меня въ паркъ, на музыку.

Илимовъ. Отчего-жъ ты не пошла?

Юлія (*дрогнувшимъ голосомъ*). Въ чемъ я пойду? У меня нѣтъ ни платья, ни шляпки, ни перчатокъ...

Илимовъ. Какъ, нѣтъ?

Юлія. Такъ, нѣтъ. Это вотъ лучшее мое платье... Шляпка прошлогодняя... (*Плачетъ*). Не могу я въ такомъ видѣ въ люди показываться! не могу!

Илимовъ. Не понимаю. (*Задумывается*.)

Платонида Марк. (*обернувшись*). Чѣмъ-же вашъ видъ дуренъ, желала-бы я знать! Вы такъ одѣты, какъ дай Богъ всякой. И шляпка у васъ прехорошенькая, и перчатокъ сколько паръ валяется. Которыя, можетъ, заштопать нужно, либо почистить—такъ это не бѣда. Новыхъ не напасешься.

Юлія. Однако, Людмила Ефимовна каждый годъ покупаетъ себѣ новую шляпку и въ штопаныхъ перчаткахъ не ходитъ.

Платонида Марк. То—Людмила Ефимовна, а то—Юлія Петровна.

Юлія (*вспыхнувъ*). Что это значить? Мнѣ

кажется, разницы никакой между нами не может быть.

Платонида Марк. Напрасно кажется. Знай сверчекъ свой шестокъ — слышали, небось? (*Взглянувъ въ глубину сада и засуетившись.*) Кш... кш... Ахъ, проклятыя! (*Сходитъ въ садъ, откуда слышенъ ея крикъ.*) «Кш... кш... Послушайте! опять ваши куры въ саду! Что-жъ это такое? Смотрѣть надо! Сегодня куры, завтра корова... Я вотъ ловить ихъ стану! Кш... кш...

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Илимовъ, Юлія

Илимовъ. Куда Людмила уѣхала?

Юлія. Почему я знаю! (*Помолчавъ.*) Я, право, удивляюсь — какъ ты позволяешь въ своемъ присутствіи...

Илимовъ. Что такое? Я ничего не слышалъ.

Юлія (*раздраженно*). Ты никогда ничего не слышишь и не видишь! Мнѣ Богъ знаетъ что говорить, со мной Богъ знаетъ какъ обращаются — попрекають, оскорбляютъ, — а тебѣ все равно, какъ будто я не сестра твоя. И съ маной-покойницей тоже самое было. (*Переходя въ сентиментальный тонъ.*) Ты, видно, забылъ послѣднія слова папы: «берегиня и сестру!» Бѣдный папа! могъ-ли онъ ожидать...

Илимовъ. Съ какими поѣздами она уѣхала?

Юлія (*отъиженная, злобно*). Не знаю, не знаю! И знать не хочу! И никогда меня про нее ничего не спрашивай! (*Порывисто уходитъ въ комнату.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Илимовъ (*одинъ*)

Илимовъ. Что ей понадобилось въ городъ? Поспѣшно такъ, таинственно... Мучитъ меня что-то, успокоиться не могу. Нервы это, что-ли? Все еще та исторія? (*Смотритъ на часы.*) Скоро поѣздъ. Съ этики должна пріѣхать. (*Горько усмехнувшись.*) Жду, точно влюбленный. Минуты считаю... Что-жъ! и влюбленъ былъ, и минуты считалъ... Все проходитъ, всему свой чередъ... и каждому изъ насъ свой чередъ: былъ — и нѣтъ. Чего проще? А все за что-то цѣпляешься, все куда то карабкаешься. Точно Божья коровка по стеблю. Подулъ вѣтеръ, качнулъ стебель — и пропала Божья коровка, въ траву свалилась: ищи ее тамъ!.. Глупо это все. Ахъ, какъ глупо... (*На ступенькахъ появляется Багрецовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Илимовъ, Багрецовъ.

Илимовъ (*радостно-удивленный*). Яковъ!? (*Идетъ къ нему на встрѣчу*)Багрецовъ (*въ утреннемъ смущеніи*). Пришелъ... Ну, что-жъ... пришелъ... Пустишь

Якова-то? (*Съ вопросительнымъ видомъ протягиваетъ Илимову руку.*) Ну? (*Илимовъ бросается къ нему на шею и плачетъ.*) Чего? чего? Экой ты! Чего? Хуже еще сталъ. Хуже. (*Самъ едва удерживается, чтобы не заплакать.*) Давай поцѣлуйся. (*Трогательно цѣлуются.*) Эдакъ-то лучше. Утри смежто. Утри. Мужчина. Будь твердъ.

Илимовъ (*безъ нужды сутяжась*). Садись же, садись. Вотъ здѣсь, поудобнѣе.Багрецовъ. Сяду гдѣ-нибудь. Не лезь въ Сяду. (*Садятся.*)

Илимовъ. Ты съ какими-же это поѣздами пріѣхалъ?

Багрецовъ. Пѣшкомъ я. Опоздалъ на вѣздъ. Пѣшкомъ. Недалеко вѣздъ. (*Свертываетъ и закуриваетъ папиросу.*)

Илимовъ. Водочки не хочешь-ли? чайку?

Багрецовъ. Погоди. Успѣемъ еще. Погоди ты вотъ инѣ про свою бѣду расскажи. Прѣбду. Слышалъ вѣдъ я. Сослуживецъ твой встрѣтился — какъ звать-то, забылъ: червоникій такой. Отъ него и слышалъ. Онъ и вѣдалъ. Ну, и рѣшилъ я: побывать надъ Тамъ ужъ какъ будетъ — пустить меня къ себѣ, либо нѣтъ — а побывать я долженъ. Рѣшилъ.

Илимовъ. Какъ тебѣ не стыдно! Какъ ты могъ думать...

Багрецовъ. Поживешь — всего передумаешь. На то и живешь. Всего передумаешь... Тамъ что-жъ у тебя вышло-то, а? что вышло-то?

Илимовъ (*насмѣшленно улыбаясь*). Съ начальствомъ поругался.

Багрецовъ. Поругался-таки! Я всегда ожидалъ. Я зналъ, что добро не кончится. Угидилъ-бы раньше, не ругавшись. Я зналъ. Угидилъ бы. Чтожъ? какъ теперь?

Илимовъ. Пока еще ничего.

Багрецовъ. Поискать надо. Поищешь — найдешь. Какъ не найти! Ты духомъ-то не падай. Будь твердъ. Найдешь. (*Помолчавъ.*) Старушка-то отошла отъ насъ! отошла старушка! Тоже не зналъ. Этотъ же самый сослуживецъ повѣдалъ. Не зналъ, не зналъ. Ну, а самъ-то? Здоровье какъ?

Илимовъ. Плохо, братъ, мое здоровье. Совсѣмъ плохо. Ходить не могу — одышка, ноги дрожать.

Багрецовъ (*съ тревогой смотря на него*). Поправисься. Успокойсь — и поправисься.

Илимовъ. Нѣтъ, ужъ инѣ не поправится. Сердце очень болитъ.

Багрецовъ. Поправисься. (*Изъ комнаты отъѣзжаетъ Варя.*)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Варя.

Багрецовъ. Здравствуй, Варюша? Не уезжай, небось?

Варя (*кричась*). Нѣтъ, не узнаю. Кто вы такой?

Багрецовъ. Яковъ Багрецовъ, твоего отца другъ и пріятель. Яковъ Багрецовъ. Забыла?

Варя. Забыла. Я васъ въ первый разъ вижу. Багрецовъ. Положимъ, не въ первый...

Илимовъ. Иди въ садъ, Варя.

Варя. Нѣтъ, не пойду. Я къ тебѣ пришла.

Багрецовъ. Любишь папу-то?

Илимовъ. Иди въ садъ.

Варя. Не пойду я въ садъ! Что ты меня гонишь? Ты мнѣ бѣлыя туфли купи.

Илимовъ. Какія бѣлыя туфли? Вздоръ говоришь.

Варя. Совсѣмъ не вздоръ. У всѣхъ дѣвочекъ бѣлыя туфли, а у меня нѣтъ. Мнѣ стыдно. Мама говоритъ, что у тебя денегъ нѣтъ, оттого что ты на службу не ходишь. Такъ ты опять пойди на службу и принеси денегъ. Слышишь?

Багрецовъ. Поцѣлуй папу-то. Поцѣлуй.

Варя. Вотъ еще! Когда принесетъ деньги, тогда и поцѣлую.

Илимовъ (*возвышая голосъ*). Иди въ садъ, говоришь тебѣ!

Варя. Что ты кричишь-то! Я къ бабушкѣ пойду. (*Убѣгаетъ обратно, напывая «Конфетку»*.)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Илимовъ, Багрецовъ.

(*Багрецовъ омрачается и старается не глядеть на Илимова*.)

Илимовъ. Видѣлъ? слышалъ? Ни жены, ни ребенка... Одинъ!

Багрецовъ. Что-жъ жена-то? Развѣ... было что развѣ?

Илимовъ. Нѣтъ. Нѣтъ, нѣтъ! Я ничего не смѣю сказать про нее. Но могу-ли я быть спокоевъ, могу-ли я вѣрить ей послѣ того... какъ вотъ тогда, на именинахъ...

Багрецовъ (*опять приходя въ смущеніе*). Не понималъ-бы ужъ! Что поминать-то!

Илимовъ. Да тебѣ-то что? Не ты началъ. Я вѣдь тутъ-же былъ, знаю. Но ты понимаешь... (*Слышенъ отдаленный свистокъ приближающагося поезда и первый звонокъ на станціи*.) Вотъ поѣздъ! (*Встрепенулся*.)

Багрецовъ. Изъ города, что-ли?

Илимовъ. Да. Съ этниъ жена должна вріѣвать.

Багрецовъ. Ну, и пріѣдетъ, значитъ. Что волноваться-то! Пріѣдетъ. (*Заллнмуъ въ комнату*.) Здравствуйте, барышня.

(*Входитъ Юлія*.)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Юлія.

Юлія. Здравствуйте, Яковъ Савельичъ. Какъ вы давно у насъ не были!

Багрецовъ. Да, давненько-таки. Давненько. Что дѣлать! Человѣкъ предполагаетъ... Работаете?

Юлія (*не охотно*). Да... понежнокку.

(*Короткій свистокъ вблизи и второй звонокъ. Илимовъ, спустившись на одну ступеньку, напряженно смотритъ вдаль*.)

Багрецовъ. И то хорошо. И понежнокку хорошо. Сначала понежнокку, потомъ и больше. Теперь надо работать—брату помогать. Надо работать. Попривыкнете—настоящей работы поищемъ. Такой, за которую деньги платятъ, настоящей.

Илимовъ (*взволнованный, возвращается на балконъ*). Пріѣхала. Идетъ.

Багрецовъ. Ну, вотъ видишь. Цѣла и невредима. А ты безпокоился. Цѣла и невредима.

Юлія (*удивленная*). А онъ развѣ безпокоился?

Багрецовъ. Да. Говорилъ тутъ. Нервы!

(*Изъ комнаты входить Платонида Марковна*.)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Юлія, Платонида Марковна.

Багрецовъ. Здравствуйте, Платонида Марковна.

Платонида Марк. (*не очень радушно*). Здравствуйте, батюшка. Вотъ ужъ, можно сказать, не чаяли—не гадали.

(*Третій звонокъ, свистки оберъ-кондуктора и паровоза и шумъ удаляющагося поезда. Справа входить Людмила, нарядная и оживленная*.)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Юлія, Платонида Марковна, Людмила.

Людмила. Вотъ и я! (*При видѣ Багрецова смущается, но тотчасъ же овладѣваетъ собой*.) Боже мой! кого я вижу! Наконецъ-то вспомнили о насъ!

Багрецовъ. Я и не забывалъ. Здравствуйте. Не забывалъ.

Людмила. Очень рада васъ видѣть.

Илимовъ. Зачѣмъ ты ѣздилъ въ городъ?

Людмила (*садится, какъ бы не слыша вопроса*). Народу что пріѣхало—страсть! Мѣстовъ не хватило.

Платонида Марк. Праздникъ. (*Въ нетерпѣннй отъ любопытства*.) Что-то у тебя лицо довольное. Хорошо должно-быть съѣздила?

Людмила (*значительно*). Недурно.

Платонида Марк. Расскажи! Расскажи!

Илимовъ. Зачѣмъ ты ѣздилъ? (*Съ улицы входить Аболтинъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Юлія, Платонида Марковна, Людмила, Аболтинъ.

Аболтинъ (*увидавъ Багрецова, тоже больше удивленный, чѣмъ обрадованный*). Какими судьбами? Живы ли, здоровы ли? Гдѣ пропадать изволили?

Платонида Мари. Постой ты! Тутъ у Милочки новость интересная.

Аболтинъ. Что еще?

Илимовъ. Гдѣ ты была?

Людмила (*торжественно*). Садитесь и слушайте. (*Платонида Марковна, Юлія, Аболтинъ садятся; Илимовъ и Багрецовъ остаются на ногахъ*.) Я была у Шленка.

Илимовъ (*вздвинувъ*). Что?!

Людмила (*растягивая каждое слово*). Я была у Шленка.

Илимовъ (*задыхаясь*). Какъ же ты... кто-жъ тебѣ позволялъ?

Платонида Мари. Вотъ еще!

Багрецовъ (*Илимову, самъ волнуясь*). Успокойся, успокойся!

Людмила (*мужу*). Игнѣйте терпѣніе. (*Снова обращаясь ко встѣ*). Думала я, думала эти дни: что дѣлать, какъ быть? И ничего другого не надумала, какъ ѣхать къ Шленку.

Платонида Мари. И очень хорошо надумала.

Аболтинъ. Не перебивайте, мамаша!

Людмила. Онъ меня когда-то зналъ, ухаживалъ даже за мной. Я, слава Богу, еще не состарилась, не подурнѣла. (*Движеніе со стороны Илимова; Багрецовъ его удерживаетъ*.) Отчего, думаю, не попытаться? Взяла да и поѣхала. Пріѣзжаю. — Дома? — Дома. Какъ доложить прикажете? — Илимова, говорю. Пошли докладывать...

Платонида Мари. Лакей, или горничная?

Аболтинъ. Да не перебивайте же, мамаша!

Людмила. Горничная. И прехорошенькая, каналья. Мило такъ одѣта, сережки, браслетъ серебряный, тубельки, чулочки бѣленькіе... (*Подмигиваетъ*.) Вѣрно, ужъ! Холостой вѣдь онъ... Возвращается: — пожалуйста. Вхожу въ кабинетъ. Онъ за письменнымъ столомъ сидитъ. Сконфузился какъ будто, всталъ. — Чѣмъ могу служить?

Платонида Мари. А хорошо живетъ?

Аболтинъ. Мамаша! И языкъ же у васъ, право.

Людмила. Ничего. Квартирка наленькая — но хорошенькая, уютенькая. — Чѣмъ, говорить, могу служить? — И старается эдакую строгость напустить на себя. Э, думаю, такъ вотъ ты какъ! Не будетъ же по твоему. Засиѣлась я, подхожу, протягиваю руку: очень, говорю, рада возобновить съ вами знакомство, — и прямо сажусь...

Платонида Мари. Вре-ешь?!

Людмила. Честное слово. Съѣла и смотрю на него, улыбаюсь. Растерялся самъ — съѣлъ. Ну, говорю, теперь давайте бесѣдовать. Когда-то, говорю, мы съ вами пріятеля были, а теперь вы такъ не по-пріятельски поступаете.

Багрецовъ (*удерживая Илимова отъ новаго движенія*). Уйди ты отсюда! уйди!

Илимовъ (*весь дрожа*). Оставь... я послушаю... (*Безпомощно опускается на стулъ*).

Багрецовъ. Уморять человѣка. (*Въ сильномъ волненіи отходитъ въ сторону и оттуда съ тревогой наблюдаетъ за Илимовымъ*).

Платонида Мари. Ну? ну?

Людмила. Не по-пріятельски, говорю, поступаете. Какъ такъ? — спрашиваетъ. Ну, тутъ я и пошла. Все это ему выложила, расписала, въ какомъ мы положеніи, что насъ ожидаетъ, — и наконецъ говорю: какъ хотите, а вы насъ должны выручить. — Чѣмъ-же я могу выручить? — Чѣмъ угодно, говорю. — Ничего не могу. — А я увѣрена, говорю, что можете и что для меня вы это сдѣлаете. Потолковали мы еще немало...

Платонида Мари. О чемъ-же? о чемъ?

Людмила (*съ ужасомъ*). Такъ, все объ этомъ больше. Задумался онъ. Развѣ, говорить, вотъ что: я, говорить, могу попросить господина управляющаго. Какъ сказалъ мнѣ въ чемъ дѣло, — я и виду не подавала, что обрадовалась... а сама думала: чего-жъ еще? славу Богу!..

Платонида Мари. Да что сказали-то?

Людмила. А вотъ что. Есть у нихъ въ архивѣ вакансія. Помощникъ, не помощникъ — а такъ, кто его знаетъ. Для старичка одного придумали: старичка-то давно въ живыхъ нѣтъ, а вакансія осталась. Мѣсто покойное, ответственности никакой, жалованье тоже, что и бухгалтеру.

Платонида Мари. Да вѣрно-ли это?

Людмила. Вѣрно, вѣрно. Завтра-же обѣщала управляющему доложить. (*Самодовольно смѣется*).

Платонида Мари. Ну, слава Богу!

Аболтинъ. Ай-да Людмила! Молодецъ! Теперь, коли что со мной приключится, тебя посылаю. Нашъ тоже до вашей сестры падохъ.

Платонида Мари. Молодецъ, молодецъ! Расцѣловать тебя за это стоитъ. (*Цѣлуетъ ее*.)

Юлія (*восторженно*). Позволь и мнѣ поцѣловать тебя, Милочка! Какая ты умница у насъ! (*Тожже цѣлуетъ*.)

Платонида Мари. (*Илимову*). Благодарите жену-то! Цѣлуйте ручку! Безъ нея что бы мы дѣлали?

Людмила (*развязно подходя къ мужу*). Да, ужъ кажется я заслужила. Что жъ не благодарить-то?

Илимовъ (*вскакиваетъ съ изступленіемъ*). Вонъ! Вонъ, подлая женщина!.. А тому... я ска-

залъ, что задушу его... и задушу... заду...
(Ловитъ руками воздухъ, издастъ нѣсколь-
ко хриплыхъ звуковъ и падаетъ. Багрецовъ
кидается къ нему, щупаетъ пульсъ и слу-
шаетъ сердце.)

Юлія (въ смятеніи). Доктора! скорѣе!

Людмила (отъ страха не троаясь съ
мъста). Что съ нимъ?.. что съ нимъ?

(Багрецовъ медленно поднимается, ни на
кого не смотря, отходитъ въ сторону и ры-
даетъ.)

Юлія (прерывающимся голосомъ). Яковъ
Савельичъ... что такое?

(Багрецовъ не отвѣчаетъ, Людмила робко
приближается къ мужу, заглядываетъ ему
въ лицо, неистово вскрикиваетъ и въ ужа-
съ прижимается къ матери.)

Платонида Марк. Померъ?!

Людмила. Глаза! глаза!

Юлія (съ воплемъ убѣгая въ комнату).
Тетя! голубушка!

Аболтинъ (растерянно). Вотъ те и въ
архивъ... Въ архивъ и есть—на вѣчное хра-
неніе.

